

ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ.

Ю.С.Шевченко

Ключевые понятия.

Этология – наука, изучающая поведение животных и человека в эволюционном контексте [31].

В задачи этологии входит: 1) изучение филогенетического и онтогенетического развития поведения живых существ; 2) выявление значения поведения как фактора их эволюции; 3) выявление значения поведения (естественного, экстремального, патологического) как фактора их индивидуальной и популяционной адаптации. На современном этапе эта наука изучает не только поведение, имеющее филогенетическое происхождение, но и учитывает, каким образом поведенческие универсалии могут трансформироваться в рамках культуры.

В системе поведения этологи выделяют разные уровни интеграции: 1. элементарные двигательные акты; 2. позы и движения; 3. последовательности взаимосвязанных поз и движений; 4. ансамбли, представленные комплексами цепей действий; 5. функциональные сферы - комплексы ансамблей, связанные с конкретным типом активности. Этология человека особое внимание уделяет анализу универсальных проявлений невербального поведения. Вторым аспектом исследований является анализ моделей социального поведения (агрессии, альтруизма, социального доминирования, родительского поведения) [8].

Этологический метод базируется на исследовании (путем наблюдения и сравнительного анализа) целостного поведенческого акта (пищевого, коммуникативного, сексуального, территориального, комфортного и проч.). Видотипичные (инстинктивные) позы и движения описываются в виде «этограмм» - систематизированных «каталогов» элементов поведенческой активности видов, устанавливается функциональное значение этих компонент, анализируются количественные и качественные характеристики внешних и внутренних факторов поведения, уточняются связи между видами и другими таксонами животных по признакам поведения.

Социальная биология рассматривает социальную эволюцию (развитие различных форм взаимодействия живых существ) с позиций естественного

отбора, начиная с муравьев и кончая человеком. Она также, как и этология использует неэкспериментальные методы исследования поведения в естественных условиях, хотя допускает применение модельных экспериментов, для подтверждения или опровержения сделанных выводов [54]. Социобиологическое изучение человека основывается на теории генно-культурной эволюции, т.е. на тезисах о том, что развитие человечества опирается на контур обратной связи - одни сообщества отмирают, другие погибают, и происходит естественный отбор на 3-х уровнях: индивидуальном, половом, групповом.

Так, филогенетические сравнения группового поведения установили, что как высшие приматы, так и другие млекопитающие способны спасти соплеменника и усыновить чужого детеныша, что может быть аналогично человеческому альтруизму [13].

Что касается полового отбора, то, как сообщает журнал Proceedings of the National Academy of Sciences за 2012 год, у человекообразных обезьян обнаружился ровно такой же кризис среднего возраста, проявляющийся депрессией, как и у сорокалетних людей. Наши ближайшие «родственники» страдают от него как в дикой природе в условиях конкуренции, так и в неволе — в условиях покоя и отличного питания. То, что это происходит не только у человека (как считалось раньше), а у орангутанов и шимпанзе, вступающих на десять лет в депрессию в середине своей жизни (от 20 до 30 лет) не позволяет полностью объяснить кризис среднего возраста исключительно «человеческими» факторами - экономическими, демографическими, социокультурными. Возможно, заявляют исследователи, U-образный спад настроения был унаследован нами и большими обезьянами от общего предка. При этом наиболее уязвимыми в данном смысле являются представители мужского пола, поскольку у женщин, наступление менопаузы задолго до окончания срока жизни не прерывает их репродуктивного функционирования. В условиях длительной незрелости детенышей приматов, участие в заботе о них бабушек (особенно, по линии матери), позволяет женщине родить и довести до зрелости больше здоровых детей, а, стало быть, распространить больше собственных генов, повышая их количество через заботу о качестве носителей [10].

Мужские особи не вкладывают в выхаживание потомства столько же сил и средств и придерживаются преимущественно количественной стратегии полового поведения, что порождает острую конкуренцию между ними (поскольку выбирают полового партнера потенциальные матери). В этой связи примечателен следующий факт. Сила кисти, генетически наследуемая и коррелирующая с показателями здоровья, а у мужчин еще и с уровнем сексуального поведения и физической агрессивности, достигает у последних максимальных показателей в возрасте между 24 и 39 годами. При этом способность к размножению у них (в отличие от женщин) возрастом практически не ограничивается [10]. Возникает проблема сохранения привлекательности для представителей противоположного пола в качестве носителей «хороших» генов, гарантирующих либо количество будущих потомков (отец красивый и сильный), либо надежность их выживания (отец состоятельный и заботливый). Универсальная мечта о «Принце» соединяет эти обе женские половые стратегии (оптимальный избранник и молод, и богат). *Более того, даже, если «принц» обманет и оставит женщину с ребенком, есть надежда, что его отец - «король» позаботится о носителях их общих генов.*

Обращаясь к концепции Ричарда Докинза [21], можно предположить, что общий кризис среднего возраста обусловлен тем, что к моменту его развития мужской организм, как эволюционная «машина выживания» эгоистичного гена свою минимально-достаточную репликационную миссию выполнила. Она родила, вскормила и воспитала собственных преемников, которые, достигнув зрелости, уже не нуждаются в родительской опеке, а тиражировать общие гены способны даже успешнее, что делает их реальными и более перспективными конкурентами старшему поколению. Не случайно в народе говорится: «В двадцать лет силы нет – не жди, не будет, в тридцать лет ума нет – не жди, не будет, в сорок лет денег нет – не жди, не будет». Сохранение социальной ценности для мужчины, переживающего кризис среднего возраста, предполагает смену роли с носителя генов на носителя мемов (опыта, навыков, знаний – альтернатива молодости, силе и богатству), что представляет безусловный стресс. Особенно для самцов-лидеров.

Иллюстрацией индивидуального отбора может быть следующее наблюдение. Зоологи выяснили, что скукающие норки чаще злоупотребляют лакомствами и активнее реагируют на внешние стимулы. Это доказывает, что животные, как и человек, действительно могут страдать от безделья. Они валяются на полу и гораздо быстрее поедают лакомства, тогда как животные в «интересных клетках» проявляют завидную игровую активность. В то же время, появление в клетках новых предметов, заметно и надолго оживляли активность

скучающих норок и в три раза слабее влияли на поведение сородичей из интересных клеток [77]. Отсюда становится понятным, почему дети, «заваленные» игрушками часто ничем не интересуются (особенно тем, что требует усилий), тогда как дети с минимальным обеспечением стимульного материала проявляют завидное любопытство. По-видимому, существует какая-то оптимальная степень насыщенности игровых комнат, защищающих от скуки и предупреждающих пресыщенность. В то же время, введение нового стимульного материала полезно предварять периодом смоделированной скуки (дефицита сенсорной, эмоциональной и событийной информации), для провокации интереса и активности, сопровождающиеся ощущением «радости бытия». То же относится к технологии десенсибилизации и функциональной тренировки при лечении фобий.

Парацельс утверждал, что все элементы, имеющиеся в животном мире, присутствуют и в человеке, отражаясь в его душе, они порождают сходство характера человека с характером лисы, собаки, змеи, попугая и других животных. В своей повседневной жизни мы постоянно используем образно-метафорический язык для краткой характеристики себя и себе подобных по наиболее заметным качествам и называем человека «орлом», «львом», «кошечкой» или «котом», «бараном», «быком», «козлом», «лошадью», «скорпионом» и т.д. Сходство двигательного рисунка агонистического (агрессивного) поведения дало название различным стилям восточных боевых искусств. Онтогенетические сравнения обнаружили много общего между играми маленьких детей и системами обмена ценностями в обществе взрослых, а также между системами агрессии-бегства и группирования у подростков и структурами тайных обществ у взрослых.

Историогенетические сравнения обнаруживают постоянное воссоздание в истории культуры образов героев, злодеев, мучеников и мудрецов, стилей социального поведения (эгоистического, альтруистического, агонистического, кооперативного). Указанный социобиологический подход позволяет понять, зачем человеческому виду необходимо то или иное поведение, в том числе патологическое, как оно эволюционирует и каково его место в будущем [7,15,54].

Этология человека имеет своей целью осветить биологические основы человеческой природы. Один из путей ее достижения – систематический сбор данных о способах выражения эмоций, о чувствах и различных социальных взаимодействиях у представителей различных культур и поиск «универсальных» для человеческого вида проявлений [9]. Методологической базой этологии человека являются эволюционная биология, общая этология,

КОГНИТИВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ (В Т.Ч. ЭВОЛЮЦИОННАЯ) ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛИНГВИСТИКА, СЕМИОТИКА, КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ [3].

Важным аспектом сравнительно-эволюционного подхода данной науки является изучение человеческих коммуникаций в повседневной жизни и сравнительный кросс-культуральный анализ поведенческих универсалий, их непосредственных механизмов и первичных причин возникновения, а также взаимодействий биологического и социального в поведении человека – поведенческая антропология [7,8,44].

Согласно этолого-антропологической концепции М.А.Дерягиной [20], эволюция поведения приматов, включая человека, шла по пути поэтапного развития в онто- и филогенезе, где каждый этап соответствует определенному уровню развития поведения. Источником возникновения новых форм поведения в эволюции приматов были переменные последовательности элементов поведения (количественное расширение привычного поведенческого репертуара), а также отклоняющиеся от нормы формы поведения в экстремальных условиях (качественное изменение, необычное для привычных условий существования, но оказавшееся оптимальным для выживания). Такое, качественно новое поведение превратившись из аномального в адаптивное проходило естественный отбор, фиксировалось в наследственном багаже и функционировало в качестве обязательного поведения вплоть до следующего эволюционного этапа.

Так в результате взаимодействия **трех механизмов эволюции** – наследственности, изменчивости и отбора в условиях то относительно стабильной, то резко и непредсказуемо меняющейся **экологии** создавалось «лоскутное одеяло» инстинктивных моделей поведения человека. Если мутантный ген моделирует новое поведение, увеличивающее в привычных или изменившихся условиях процент выживаемости и плодовитости, он имеет шанс включиться в генотип, даже не смотря на побочные издержки (ген редко определяет только один признак), несогласованность, а порой и противоречие с ранее зафиксированными стереотипами.

Один из немногих наглядных примеров биологической эволюции (происходящей крайне медленно) приводит У.Крэйн [31], ссылающийся на наблюдения английских биологов середины 1800-х годов. «В Манчестере было много белых мотыльков, которые терялись на фоне светлых деревьев, произрастающих в этой местности, в результате чего птицам было трудно их замечать и ловить. Среди мотыльков было небольшое количество темных особей (возникших вследствие мутаций), которых хищники легко обнаруживали. Поэтому выживали и воспроизводились лишь немногие темные мотыльки. Но когда началась индустриализация, угольный дым окрасил деревья в темный цвет, сделав белых мотыльков легкой добычей. Теперь у темных особей были наилучшие шансы прожить достаточно долго, чтобы оставить потомство, и в течение последующих 50 лет их количество увеличилось с менее чем 1% до 99» (стр. 59).

Антропогенное изменение экологии может изменить и акустическое поведение насекомых. Журнал *Functional Ecology* за 2012 год опубликовал результаты исследования, проведенного немецкими энтомологами из Университета Билефельда, которые выяснили, что самцы мелких саранчовых стали стрекотать в другом регистре (усилили в своем пении низкочастотную составляющую), чтобы их пение не заглушалось шумом машин с соседней автотрассы. Поскольку он из-за особенностей своего диапазона в основном заглушает именно низкочастотные сигналы, самки *Chorthippus* перестают узнавать песни самцов своего вида и в результате перестают с ними спариваться. Пока исследователи не могут сказать, учатся ли кобылки петь на более низких частотах, сталкиваясь с шумами по мере своего созревания, или же эта способность уже закрепилась у них генетически.

Ранее биологами было показано, что разные виды позвоночных, включая птиц, лягушек и китов, модифицируют свои коммуникационные сигналы, чтобы приспособиться к шуму, создаваемому человеком.

В эволюции человека (по своим биологическим способностям уступающему многим животным) естественному отбору должны были подвергнуться не только физические характеристики («Сила есть – ума не надо», либо «Не числом, а умением»), но и способности

к социальному поведению («Один в поле не воин») и разумной деятельности («Семь раз отмерь, один – отрежь»), позволяющей создавать орудия труда. Это послужило основой более динамичной культурной эволюции человечества, «перекрывшей» незавершенную биологическую эволюцию вида *homo sapiens*, что объясняет сохранение в его поведенческом репертуаре множества «неотобранных» моделей (пусть и архаичных с точки зрения сегодняшнего дня). Франс де Вааль [13] пишет: «Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество, наказывают за предательство и мошенничество, проявляют благодарность и способны на месть. Обнаруживая просоциальное поведение (свойственное, кстати, и другим млекопитающим), они часто и спонтанно помогают друг другу – делятся пищей, с риском для себя защищают друзей, помогают члену группы выбраться из браконьерской ловушки или берут под свою опеку неродных по крови сирот. Более того, они при необходимости помогают собрату достать необходимое орудие или открывают дверь, чтобы тот мог добраться до пищи, опекают престарелых и немощных. Да, у нас есть компьютеры и самолеты, но психологически мы по-прежнему устроены так же, как общественные приматы».

Собственно, человеческую «самость» определяет баланс примативности (инстинктивной «автопилотности») и рациональности (разумной произвольности), динамично проявляющий себя в поведении каждого человека [49].

Более того, все смертные грехи, являясь гипертрофированным, чрезмерным удовлетворением жизненно необходимых потребностей (лишающим соответствующее поведение приспособительного значения), могут быть смоделированы на базе инстинктивного поведения животных [25]. Жизнь ради еды или секса – **чревоугодие и любострастие** отнимают слишком много времени и энергии (которые в интересах «эгоистичного гена» должны были быть потрачены на заботу о самосохранении и выживании потомства, приобретение знаний, творческую самореализацию). **Лень**, как реализация универсального принципа экономии энергии (люди ленивы по своей природе), в чрезмерном выражении (распространившись на заботу о чистоте тела, поиск качественной пищи, общение с сородичами, социальное продвижение и т.д.) снижает вероятность выживания человека или животного (поскольку хоть «ленивого и не умучаешь», но у него меньше шансов распространить свои гены и мемы). **Сребролюбие** – чрезмерное стремление к накоплению материальных ресурсов, сформировавшись из естественной потребности в результате «сдвига мотива на цель» также работает в ущерб и «эгоистичному гену» и «альтруистичному мему», ибо жадина – не лучший кандидат в отцы будущих детей, потомки же помнят не богатых, а полезных. **Тщеславие**, как порождение естественной потребности занимать лидирующее положение в сообществе, нормально реализуемой в форме «здорового честолюбия», т.е. стремления своим трудом добиться признания, став доминантным мотивом поведения не идет на пользу, поскольку превращается в стремление не «быть», а «казаться» (т.е. возвышаться над другими с минимальной затратой энергии). **Гордыня** – приоритет независимости поведения по отношению к возможности доступа к витальным ресурсам. Независимость Люцифера, отказавшегося поклониться созданию Бога – человеку и за это низвергнутому с небес в ад, оказалась важнее благополучного существования в качестве второго лица в небесной иерархии. Один из механизмов злодейства – неспособность стать первым за счет хороших дел (требующий большей затраты энергии и конкуренции с другими добродетелями) и неприятие бета-позиции. В отличие от гордыни, гордость, подпитываемая социальными инстинктами иной (не лидерской) природы, не позволяет человеку поступиться взглядами, отречься от присяги («плюнуть, да поцеловать злодею ручку») и заставляет сохранять независимость несмотря на угрозу понижения в должности, тюремного заключения, смертной казни (литературный пример - пушкинский Петруша Гринев). **Нищенство** – стратегия противоположная гордыне, основанная на смирении,

широко распространена среди разных животных как «поведение выпрашивания» (см. главу, посвященную клептомании). **Гнев** – аффект, сопровождающий борьбу с врагом. Слабость гнева в борьбе означает недостаточность активации сердечно-сосудистой, мышечной и прочих систем организма. Возникновение вспышек гнева при всяком препятствии снижает биологическую и социальную адаптацию. Вспышки гнева можно преодолевать только волевым самоконтролем (соответственно, когнитивная психотерапия при возбудимых психопатиях должна быть направлена на избегание конфликтов, а бихевиоральная – на переадресацию агрессии на нейтральный объект). **Уныние** – аффект сопровождающий противоположную гневу реакцию на опасность – реакцию затаивания. Пониженное настроение, появляющееся время от времени и в умеренных дозах, улучшает приспособленность человека и не является злом, поскольку позволяет принимать более взвешенные решения. Повысить настроение человек может сам, меняя свое поведение (и потому уныние является смертным грехом, когда человек не хочет себе помочь). Простейший и экономичный способ улучшить настроение – повысить самооценку за счет принижения других людей, впадая в грех **зависти** (что снижает приспособленность сообщества в целом, действуя на уровне инстинктов сохранения рода и вида). Грехи имеют отчетливую биологическую основу, ибо являются гипертрофированным проявлением таких форм поведения, которые в умеренном (и уравновешенном) виде помогают выживать и приспосабливаться к постоянно меняющемуся миру [25].

Кредо этологии и ее основные задачи наиболее четко сформулированы Н. Тинбергеном под названием «Четыре почему»: 1) анализ непосредственных причин, порождающих конкретный тип поведения, и его физиологических основ; 2) функция данного поведения и его роль в жизни животного (обеспечение приспособленности); 3) изучение путей формирования разных форм индивидуального и социального поведения в онтогенезе (взаимодействие генетических и средовых факторов в развитии особи); 4) эволюционное происхождение данной формы поведения (эволюционная история вида и пути приобретения данного видового признака в филогенезе) [8].

Так игровое лицо характерно для «грубой» игры детенышей и подростков обезьян. Оно сопряжено с игровым покусыванием и является демонстрацией легкой агрессивности и вместе с тем дружественных намерений субъекта. Улыбка человека, таким образом, это вовсе не всегда ослабленная копия смеха. Это две конвергентно сближившиеся в процессе эволюции демонстрации, производные от мимических выражений лица у предков человека. Выводы относительно различного филогенетического происхождения смеха и улыбки нашли дополнительное подтверждение при наблюдении за детьми. Установлено, что дошкольники чаще улыбаются, иницируя социальные контакты с высококоранговыми детьми, нежели наоборот. В этом контексте улыбка выполняет функцию умиротворения, сходную с мимикой подчинения и страха у обезьян.

У детей можно наблюдать спонтанный страх перед объектами, которые могли представлять реальную угрозу для наших далеких предков в среде эволюционной адаптивности (экологические условия, в которых проходило становление человеческого рода миллионы лет назад) – змеями, пауками, крысами, высотой, темнотой, громом и молнией, одиночеством, замкнутым пространством. Иррациональный, не поддающийся волевому контролю страх перед змеями практически не уменьшается с возрастом детей, в отличие от страха перед собаками или незнакомцами. Тогда как реально более опасные и постоянно присутствующие объекты современного индустриального общества (машины, бомбы, ракеты и т.п.) не вызывают столь же сильного страха, поскольку не заложены в нашей генетической памяти. Степень выраженности страха у детей в значительной мере может варьировать в зависимости от их социального опыта (наблюдения детей за людьми, которым они верят и которых любят, вызывают у них сходные реакции на сходные стимулы). Такой способ освоения образа опасностей характерен и для других приматов.

При анализе поступков человека важно помнить **основной постулат этологии**, говорящий о том, что любое поведение изначально имеет защитный и/или приспособительный смысл (*для индивида, рода и/или вида*). Как сказал Поэт: «Если звезды зажигаются, значит это кому-то нужно». Другое дело, что передающиеся по наследству из поколения в поколение модели стали «ненужными», «нерентабельными», «архаичными» в современных условиях (коренным образом отличающихся от тех, в которых они возникли, прошли естественный отбор и жестко закрепились в мозговых структурах). Последние (церебральные структуры) в филогенезе меняются еще более медленно, чем инстинктивное и, тем более культурное поведение, которое они обеспечивают. Соответственно, наследуемые поведенческие модели могут утратить свой адаптивный смысл и выглядеть непонятными, странными и нелепыми, а порой и просто болезненными [34,45].

Во многих формах навязчивых ритуалов, безусловно, присутствуют отголоски сексуального поведения, подобного ритуальному танцу, предшествующему у рыб метанию икры и ее осеменению. При этом специфические иницирующие стимулы (релизеры), запускающие врожденные ритуалы могут не осознаваться. Помимо поведенческих моделей ухаживания, содержанием навязчивых ритуалов могут стать инстинктивные воинственные движения, различные формы реакции следования и проч. В повседневной жизни мы не осознаем, что назначение многих ритуальных действий состоит в торможении агрессии и создании социального союза. Биологические и культурные ритуалы со временем становятся автономными мотивациями поведения. Они сами превращаются в новую цель, достижение которой становится потребностью для организма. Общественное поведение людей пронизано культурной ритуализацией. Примерами заведомо неритуализованного поведения являются лишь неприкрытая зевота, потягивание или ковыряние в носу [9].

Таким образом, этологический, а в более широком смысле социобиологический подход — одно из условий создания «понимающей психопатологии».

Так защитно-приспособительный смысл как психогенного пуэрилизма, так и псевдодеменции становится понятным, если знать, что данная регрессивная реакция провоцирует у окружающих столь же инстинктивный ответ. Покровительно-защитное и снисходительно-прощающее поведение обезьяны демонстрируют не только в отношении малышей, но и в отношении сородичей, родившихся с синдромом Дауна. Также особи, страдающие физическими недостатками (которые имитируют истерические конверсионные симптомы), в обществе приматов могут с помощью других полноценно жить и иметь потомство.

В этом контексте влияние религии проявляется не столько в том, что она заставляет нас делать что-то, чего мы иначе не стали бы делать, сколько в поддержании и развитии некоторых естественных склонностей [13]. Выражение: «Бог в душе и Царь в голове» отражает культурную эволюцию двойной природы нашего социального поведения — способность к сочувствию (обеспечивающуюся зеркальными нейронами) и иерархический страх наказания, заставляющий произвольно (благодаря лобной коре) делать то, что требуют условия получения выгод от группового существования.

Понять смысл эрептофобии помогает знание того факта, что способность мгновенно краснеть есть чисто человеческая особенность, которую подметил еще Ч.Дарвин [17]. Румянец смущения – это настоящая эволюционная загадка, особенно для тех, кто считает, что человек способен только на эксплуатацию других людей. Покрасневшее лицо сообщает другим людям о том, что человек знает, как сказываются на них его действия (реальные или только желаемые). Тот факт, что в процессе эволюции у нас появился ясный сигнал, сообщающий о смущении, связанном с нарушением правил, – очень серьезная информация о нашем биологическом виде. Способность краснеть – часть того самого эволюционного набора свойств, из которого выросла мораль, как система правил (усвоенных на основании эмпатии и угрозы наказания со стороны вышестоящих), эмоционально насыщено предписывающих помогать или по крайней мере не вредить другим людям [13]. Не случайно, желая подчеркнуть аморальность обманщика, мы с возмущением констатируем: «Врет и не краснеет!». Соответственно, если бихевиоральная психотерапия эрептофобии направлена на десенсибилизацию реакции смущения (с помощью, например, хороводных игр), то психоаналитическая – на источник потребностно-морального конфликта, лежащего в основе навязчивого страха покраснеть на людях и вытесненного в подсознание.

Н.Тинберген [57] применил этологические методы в детской психиатрии для анализа явлений аутизма у детей, обратив внимание на тот факт, что избегание взгляда, типичное для аутичных детей, вызвано страхом перед социальным контактом. Этот факт может быть использован как для дифференциальной диагностики аутизма со сходными состояниями, так и для выбора адекватного психотерапевтического подхода.

Этологическая психиатрия – одно из направлений этологии человека, основывающаяся на собственно этологии и кинесике (науке о языке тела).

Кстати, шимпанзе – большие мастера общения при помощи незаметных для наблюдателя взглядов и телодвижений. Они умудряются объяснить сородичу, что собираются сейчас сделать, без речи и даже без явно выраженных жестов. Активное использование языка тела помогает им читать и человеческие (телесные и голосовые) сигналы, обнаруживая положительное или отрицательное отношение к ним человека, даже если тот сознательно этого не демонстрирует [13].

Перспективность этологических методов в психиатрии заключается в том, что этот подход обеспечивается хорошим знанием нормы (например, этограмм нормативной невербальной коммуникации, пищевой или исследовательской активности), что облегчает психопатологическую диагностику в процессе наблюдения за внешними проявлениями отклоняющегося поведения. При этом имеется возможность не только качественной, но и количественной (с помощью протоколов или видеозаписи) оценки патологического состояния и его динамики. Это особенно актуально, когда речь идет о пациентах, страдающих отсутствием речи и неадекватно реагирующих на опросы и тестирование [16,19,32,33,47,51,63,64,76,78].

Детские психиатры, в особенности, работающие с ранним возрастом, по сравнению со своими «взрослыми» коллегами стоят ближе к биологической сущности человека, чем к его социально-личностной составляющей. Поэтому

анализ невербального поведения ребенка в обычных для него условиях или в ситуации естественного эксперимента способны дать гораздо больше информации о развитии, о психическом благополучии или неблагополучии, чем такая непривычная форма общения, как клиническая беседа или «стандартизированный опросник» [27,46,47].

В частности, многообразие и вариабельность признаков аутистических расстройств у детей, выраженные трудности, а часто и невозможность установления контакта и получения информации от самого ребенка, дефицит достоверных анамнестических сведений и объективных параклинических данных, а также специфика клинико-психопатологического метода, предполагающая регистрацию и квалификацию расстройств на основе субъективного опыта и концепций клинициста, повышают значимость объективизированного наблюдения и оценки невербального поведения [14,63].

Еще Парацельс утверждал: «Врач должен понять внутренний мир больного, который обычно проявляется в его характере и внешности, и даже в голосе и походке». Следует сказать, что способность понимать язык тела, по-видимому, сама по себе является врожденной и филогенетически обусловленной. Дети способны распознавать враждебные и игровые намерения партнера и редко путают «грубую игру» (игровую борьбу и игры-преследования) и настоящую агрессию. Этому способствуют разные мимические выражения, сопровождающие ту и другую активность (улыбка и смех в случае игры, нахмуренные брови и пристальный взгляд в агрессивном контексте) [8].

Маленький ребенок, не отягощенный доминированием второй сигнальной системы и негативным коммуникативным опытом инстинктивно-безошибочно улавливает эмоциональное состояние как приблизившегося к нему животного, так и человека, на удивление окружающим взрослым. Другое дело, что так же, как и врожденное умение плавать эта способность может в зависимости от условий воспитания утрачиваться (и тогда человек перестает улавливать противоречия между высказываниями и невербальной экспрессивностью, что делает его легкой жертвой обмана), либо сохраняться и совершенствоваться, делаться осознанной и даже профессионально необходимой [76]. На эту врожденную способность людей обнаруживать неконгруэнтность того какие слова произносит человек и что «говорят» его поза и жесты рассчитаны пюпитры, заменившие закрытые трибуны перед которыми выступают политические лидеры. Эту же способность учитывал Уолт Дисней, когда требовал от своих художников-мультипликаторов, чтобы на каждом рабочем столе обязательно стояло зеркало, дабы мимика рисуемых персонажей (и людей и животных) ориентировалась на их собственную эмоционально выразительную и убедительную экспрессивность. Основанная на той же врожденной способности профессиональная кинесическая компетентность позволяла К.С.Станиславскому, не вдаваясь в детальный анализ игры актера резюмировать неестественность его поведения на сцене своим знаменитым - «Не верю!». В этом смысле психотерапевт, для того, чтобы ему поверил клиент, должен быть как хороший актер максимально конгруэнтен в своем поведении, а психиатр-диагност, подобно опытному режиссеру, должен в своем восприятии пациента ориентироваться как на логические, так и на интуитивные каналы информации.

Комментируя такой известный феномен как «чувство шизофрении», описанный Н.Румке в 1957 году, Карл Леонгард [38] указывает на то, что возникающее у врача ощущение неестественности, ненормальности общения с больными шизофренией, обусловлено их экспансивной ригидностью, отсутствием у них естественных выразительных движений. Последние характеризуют у здорового человека даже примитивные, инстинктивные реакции, не требующие участия интеллекта. При контакте с больными слабоумием подобного чувства не возникает, поскольку базальная, природно-психическая эмоциональность у них сохранна. При обращении к умственно отсталому ребенку, тот поворачивается к собеседнику, устремляет на него взгляд, лицо его, даже не озаренное интеллектом, выражает внимание, готовность вступить в контакт. При не очень глубоком слабоумии, такой ребенок пытается выполнить просьбу, назвать, пусть неразборчиво, свое имя, и уж во всяком случае, радостно оживляется, когда слышит его из уст взрослого. Он улыбается в ответ на приветливую улыбку, ласковое обращение, естественно реагирует на выразительные движения, мимику, интонации обследователя. Все это вызывает у последнего ощущение синтонности, эмоциональной созвучности.

У детей, больных кататонической шизофренией поведение совершенно иное, оно ни на минуту не вызывает у человека, пытающегося вступить с ними в контакт, ощущение внутренней близости. Когда они поворачиваются к обратившемуся к ним, по их лицу трудно определить, что это не просто рефлекторное, автоматическое движение. Оно не выражает эмоциональной заинтересованности в контакте. Их улыбка и даже хохот не соотносятся с ситуацией, не несут информации об их внутренних переживаниях. Их экспрессивные движения ничего не выражают, лицо выглядит как маска, а мимика напоминает гримасы. Неестественность невербального поведения делает этих детей «чужеродными телами» среди других людей, их непонятность для нормальных заставляет «обходить» их [38].

На основе собственного опыта мы обратили внимание на различие субъективных ощущений при беседе с больными эндогенной и реактивной депрессией. Так, пациент с

эндогенной депрессией провоцирует у собеседника сонливость и упадок сил, тогда как носитель психогенной депрессии вызывает мобилизацию и активность. Дети с истинным аутизмом, как правило, вызывают сочувствие и желание помочь, тогда как тоже молчащие при обращении к ним больные элективным мутизмом, провоцируют у взрослого раздражение и нарастающую внутреннюю агрессию.

Этологический подход в сочетании с современными техническими возможностями видеозаписи и компьютерных аналитических программ дает возможность научно-доказательно верифицировать субъективное искусство врача, расширить возможности оценки психического статуса пациента и его динамики.

Занимаясь онтогенезом и его нарушениями, педо-психиатры естественным образом обращаются к его филогенетическим детерминантам, поскольку согласно биогенетическому закону Е.Наескел (1866), онтогенез есть краткое и сжатое повторение *филогенеза* – процесса исторического развития отдельных типов, классов, отрядов, семейств, родов, видов живых организмов. В частности, врожденные адаптации (этологические модели поведения) можно рассматривать как архетипы коммуникаций разного вида (визуальной, аудиальной, тактильной, ольфакторной, социальной). По-видимому, они являются также базой когнитивных процессов [24].

Единство когнитивных и коммуникативных основ самосознания демонстрирует тест «губной помады» или зеркальный тест, который позволяет определить насколько тот или иной ребенок эмпатичен от природы [55]. Если, глядя в зеркало, двухлетний ребенок узнает себя, это проявляется в стремлении стереть с себя «чуждое» пятно. Повзрослев, эти дети проявляют большее сочувствие по отношению к другим, чем те, кто поздно начал идентифицировать себя в зеркале. Также нанесенное на голову красное пятно пытаются удалить узнающие себя в зеркале человекообразные обезьяны, дельфины и слоны. Данный тест используется для ранней диагностики аутизма.

Следует отметить, что и обычные дети демонстрируют в раннем возрасте разную степень эмпатии. Так, одни, увидев во время приема пищи, что у соседа рядом с тарелкой с кашей отсутствует ложка, стараются привлечь к этому факту внимание взрослых, зовут их, другие просто проявляют озабоченность, третьи выглядят менее озабоченными, но сами перестают есть, четвертые – спокойно наслаждаются трапезой, не обращая ни на кого внимания [50].

Проявляя «стадный инстинкт», двухлетние дети, как и шимпанзе склонны копировать действия, совершаемые большинством их товарищей, и крайне редко следуют за отдельными детьми или обезьянами, пусть даже более разумными и успешными, но отклоняющимися от общего «курса толпы» («Нет пророка в своем отечестве»). Родители и учителя должны понимать влияние этого процесса на общение их детей со сверстниками. Тенденция следовать за действиями большинства считается ключевым фактором в передаче относительно безопасных, надежных и действенных поведенческих стратегий с точки зрения эволюции. По-видимому, на базе доминирования именно этого инстинкта формируется акцентуация характера конформного типа (по А.Е.Личко), «ахиллесовой пятой» которой

является необходимость формулировки собственного мнения и выбора стиля поведения в ситуациях социальной нестабильности и «раскола» в обществе.

Для детско-подростковой психиатрии этологический подход особенно важен как в смысле совершенствования основного (особенно в раннем и дошкольном возрасте) диагностического метода – наблюдения, так и в смысле понимания инстинктивных механизмов многих психических нарушений, проявляющихся в невербальном поведении пациентов (например, мизофобии, клептомании, мутизма, навязчивых действий, патологической агрессивности, подростковой преступности, дромомании и проч.) и разработки на этой основе адекватных и дифференцированных подходов к их коррекции и профилактике (см. соответствующие главы).

Большинство диалоговых коммуникаций между матерью и ребенком и между детьми в первые годы жизни содержит врожденные элементы, показывающие возможности использования филогенетических адаптаций в педагогике [51] и этологическую ориентацию детской психотерапии [67,68,74]. Тем более, что дети обладают встречными, сформировавшимися в фило- и антропогенезе привязывающими моделями поведения (attachment behaviors), которые провоцируя у окружающих актуализацию родительского инстинкта, обеспечивают и поддерживают их близость к опекунам.

Среди этих «привязывающих сигналов» J.Bowlby (1961, цит. по [31]) выделяет: **плач, улыбку, лепетание, цепляние, сосание, следование**. В свою очередь привязанность ребенка формирующая реакцию следования за основным объектом (обычно, матерью) развивается в следующей последовательности: недифференцированная социальная реакция в виде улыбки при виде любого лица и плача при уходе любого человека; сужение направленности этих реакций до нескольких знакомых людей (период от 3 до 6 месяцев жизни); явное предпочтение одного человека и настороженность к незнакомым людям; активное слежение за тем, где находится родитель и ползание за ним при любом знаке о том, что тот может уйти. Весь процесс – фокусирование на основном объекте привязанности, который затем вызывает реакцию следования, - соответствует импринтингу у других видов (Крэйн У., 2002), хотя, естественно, и более растянут по времени.

Мозговая организация врожденных педагогических механизмов уточняется открытиями в области нейробиологии, в частности, изучением активности зеркальных нейронов отвечающих за подражание, имитацию, а также играющих ключевую роль в обучении языку.

Основоположником этологии по праву считается Чарльз Дарвин, книга которого «О выражении эмоций у человека и животных» [17], увидевшая свет в 1872 году, неоднократно

издавалась на всех языках мира и до сих пор цитируется как биологами, так и психологами [60]. Через сто лет, в 1973 году Конрад Лоренц, Николас Тинберген и Карл фон Фриш получили Нобелевскую премию «за открытия, связанные с созданием и установлением моделей индивидуального и группового поведения животных», сделавшие этологию наукой, теория которой, так же, как и теория социобиологии могут быть объединены одним названием - «неодарвинизм».

Одним из основателей социобиологии считается Роберт Триверс (*Robert Trivers*) - американский эволюционный биолог, профессор антропологии и биологических наук в Ратгерском университете получивший Краффордскую («мининобелевскую») премию в 2007 году «За фундаментальный анализ социальной эволюции, конфликтов и кооперации». Р.Триверс наиболее известен теориями взаимного альтруизма, родительского вклада и конфликта родителей и потомства.

Обман и самообман — любимые темы Р.Триверса [58]. Почему человек с его совершенным мыслительным аппаратом так склонен исказить информацию? Тем более что подсознание может быть прекрасно осведомлено об истинном положении вещей. Р.Триверс цитирует классический эксперимент Рубена Гура и Гарольда Сакейма: психологи давали испытуемым слушать “нарезку” из разных голосов, в том числе их собственных. Люди часто путались: то слышали свой голос там, где его не было, то отказывались признавать там, где на самом деле был. Однако кожно-гальваническая реакция человека, которую измеряли исследователи, свидетельствовала о практически безошибочном распознавании собственного голоса. “Получается, бессознательно мы можем отделить неверную информацию от верной, а сознательно — нет. Более того, сознание очень просто поддается манипуляции: если человек чувствует, что сделал что-то не так, он не узнает свой голос, а если доволен собой — даже чужие голоса принимает за свой”, — говорит Р.Триверс [58].

Другой пример касается групповой идентификацией. Даже если группы созданы искусственно — одну половину аудитории одели в красные футболки, другую в зеленые, — люди демонстрируют неизменный перекося в оценках, рассказывает Р.Триверс. “Если свой делает что-то хорошее, ему дается общая оценка: “Попов — прекрасный человек”, если плохое — частная: “Попов отдал мне ногу”, — констатирует Р.Триверс. Поступки чужого оцениваются искривленно: хорошее воспринимается как частность — “Попов показал мне дорогу”, а плохим поступкам дается личностная оценка: “Попов — негодяй”.

Все эти механизмы обмана и самообмана сформированы эволюцией. В том, чтобы лгать другим и самому себе, есть масса преимуществ: цветы обманывают насекомых, насекомые — птиц, соперники в брачных турнирах — друг друга. Врать нужно для того, чтобы представлять себя лучше, чем есть на самом деле. А еще полезно распознавать вранье других, чтобы на него не попасться. Эволюция этих навыков идет параллельно, как развитие снаряда и брони. Самообман как раз кстати: убедительнее всего врет тот, кто верит в свои небылицы (поскольку ведет себя конгруэнтно). Есть для самообмана еще один резон: сознательно исказить информацию очень накладно энергетически. “Я полагаю, и тому есть не прямые свидетельства, что бессознательное сокрытие информации от самого себя экономит очень много мыслительных ресурсов”, — говорит Р.Триверс [58].

Таким образом, «искренняя ложь» отвечает закону «экономии (мозговой) энергии» и является фило-онтогенетическим образованием. Это подтверждается тем фактом, что легче всего она получается у детей и истероидных личностей, а также в тех ситуациях, когда баланс примативности и разумности склоняется в пользу первой, например, в состоянии влюбленности: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад» (нет внушения без самовнушения).

Самообман иногда способствует семейному счастью – в полном соответствии с афоризмом М.Жванецкого: «И то, что она Вас целует – ничего не значит, и то, что говорит, что любит – ничего не значит... И будете верить, и не узнаете правды, и проживете счастливо». Таков же эффект морковного чая или плацебо: таблетка-пустышка действует на 30% больных. За отрицательным примером тоже не надо далеко ходить. Ничто не приносит столько вреда, как «искренний» (подсознательный) самообман и ложь тех, кто распоряжается жизнями других людей, — “взять хотя бы набор организмов у власти, которые развязали эту ужасную иракскую кампанию” [58], либо находится в перманентном состоянии «запойного реформаторства» [72].

В советское время в нашей стране этология признавалась исключительно в аспекте зоопсихологии, тогда как «этология человека» декларировалась в качестве «реакционного, антимарксистского направления» антропоморфизма (Краткий психологический словарь, 1985) и фактически находилась под запретом. Это в существенной степени обусловило, сохраняющееся по сей

день, отставание этологического направления в отечественной психологии и особенно психиатрии, которого могло бы и не быть.

Так, в своей «Объективной психологии», впервые вышедшей в начале прошлого века, В.М.Бехтерев специальное внимание уделил инстинктивным основам поведения человека и животных. При этом высказанные им положения, во-многом предвосхитившие последующие исследования этологов и бихевиористов, остаются актуальными до настоящего времени [4].

Говоря об «инстинктивных рефлексах» как о сложных наследственных автоматизмах В.М.Бехтерев понимал под последними «сложные движения и действия, которые выполняются по преимуществу наподобие рефлекса под влиянием органических импульсов и которые имеют своим предназначением удовлетворять соответственным образом органические потребности или охранять организм от вредных влияний, приводящих к нарушению его жизненных процессов» [4, стр. 167]. При этом актуализация той или иной **биологической потребности** вызывает «наступательные» движения, ее удовлетворение (насыщение) обуславливает покой организма /вакуум активности/, а пресыщение (также, как и все воздействия, грозящие нарушением благосостояния организма) приводит к «оборонительным» движениям. Наглядным примером этого являются проявления пищевой и сексуальной активности и уклонения от нее.

У грудных детей отмечаются состояния «автаркии», самоудовлетворения, возникающие обычно после кормления, когда все актуальные потребности удовлетворены, потребность во сне еще не возникла и ребенок находится в блаженной прострации, не двигаясь и ни на что не реагируя. В этологии такое снижение порога активности обозначается как «вакуум активности» [80], который в патологии обычно обусловлен гормональными причинами и проявляется истинной анорексией (отсутствием чувства голода), сексуальной индифферентностью, утратой навыков опрятности и других инстинктивных основ поведения.

В биологической литературе имеются многочисленные примеры, указывающие на наличие этологических параллелей между видоспецифическим (инстинктивным), индивидуально-специфическим (приобретенным) поведением животных и человеческим поведением,

проявляющемся в обычаях и традициях разных народов, их ритуалах и фольклоре, а также болезненном реагировании на стресс.

В своей книге, вышедшей впервые в 1935 году, Н.Н.Ладыгина-Котс [35] отмечала следующие «био-психологические» (этологические в современном понимании) аналоги поведения ребенка раннего возраста и шимпанзе по прозвищу Йони, который с рождения воспитывался в ее доме и не имел возможности копировать собственных сородичей по подражанию:

щипание пальцами, царапанье, кусание самого себя как выражение злобы (переадресованная на себя агрессия);

припадание широко открытым ртом, защищивание губами, засасывание ртом, как проявление нежности и сочувствия к любимым (социальный инстинкт, прообраз целования);

ощупывание руками и ртом интересующих предметов, как проявление внимания, любопытства (исследовательское поведение);

поедание носовой слизи, корок, зализывание ран (очищающее поведение);

самообследование, обгрызание ногтей, очищение кожи, вытирание рукой носа, ковыряние ранок, царапин, нетерпимость компрессов и повязок (аутогруминг как проявление инстинкта самосохранения);

исключительное пристрастие к игре с эластичными предметами – сходные игры с волосами, резиновой трубкой, мячом (игровая саморазвивающая деятельность);

разрушительные игры (типичные для ребенка до полутора лет) – бросание, разрывание, ломание, разбивание предметов (экспансивно-агрессивное поведение).

Э.П.Фридман [61] отмечает, что гетерогруминг (имеющий человеческий аналог во многих культурах в форме «исканий в голове»), которому обезьяны посвящают много времени и который они производят с особой тщательностью, перебирая и чистя друг у друга шерсть, отражает не только заботу о чистоте. Это еще и источник приятных ощущений щекотания (вызывающих дремотное состояние) – комфортное поведение, и проявление целой гаммы чувств (заботы, доверия, покровительства, извинения, симпатии) в контексте социального контакта. Отсюда становится понятной легкость компенсаторного возникновения аутогруминга при физическом дискомфорте или социальной фрустрации и перерастания манипуляций с волосами в патологическое поведение в ситуациях хронического стресса (см. главу, посвященную патологическим привычным действиям).

Интеграция результатов исторического, биологического, экологического и онтогенетического подходов к анализу психопатологических проявлений (в частности, невербального поведения больных, являющегося в детской клинике наиболее информативным) легли в основу так называемой эволюционной психиатрии [52].

Говоря об инстинктивных поведенческих программах (реализующихся как врожденными комплексами фиксированных движений, так и прижизненно приобретенными навыками, а также осознанным поведением) А.И.Протопопов в статье «Мозг экономичный» (2012 - электронная версия) подчеркивает, что включающие их простые условные знаки (релизеры) или несложные сочетания их (сигнатуры) возбуждают **желание** совершать соответствующие действия.

Желание это тем более сильное, чем краткосрочнее (а, стало быть, экономичнее) является соответствующая поведенческая программа. Принципиальная способность человека контролировать и даже подавлять разумом инстинктивное побуждение, зачастую не срабатывает (тем более у детей), поскольку это требует больших энергетических затрат. Т.о. «сила воли» высоко примативного (как говорят, «страстного») человека – это не столько заслуга культурного разума (который из «экономических соображений» скорее рационализирует возникшее желание, чем одолевает его), сколько результат выбора из множества вариантов мотиваций поведения более долгосрочных инстинктивных программ, заставляющий отказаться от сиюминутного удовольствия ради эмоционально более заманчивых перспектив. Например, перетерпеть чувство голода и не съесть курицу, несущую золотые яйца, что сулит в будущем и сытость, и богатство, и власть. И пушкинский Герман, и герои Достоевского (Гаврила Ардалионыч, Родион Раскольников) прекрасно иллюстрируют механизм произвольной рационализированной реализации инстинктивной предрасположенности. «Неразумное (и даже относительно разумное, такое, как человек) существо, может следовать долгосрочным стратегиям поведения лишь посредством инстинктов - неосознаваемых рассудком поведенческих стремлений, вырабатываемых в течение миллионов поколений. Этот путь несовершенен и неточен, но альтернативой ему может быть только очень мощный рассудок, такой, какой даже у людей встречается не сплошь и рядом» - утверждает А.И.Протопопов.

Учёные Европейской молекулярно-биологической лаборатории (European Molecular Biology Laboratory, EMBL) нашли анатомическое объяснение, почему намного проще удержаться от проявлений агрессии, чем от желания её проявить. Учёные обнаружили, что с префронтальной корой связана лишь специфическая область мозга (ствол), которая отвечает за реализацию инстинктов, но не гипоталамус, который контролирует чувства и эмоции. Так что префронтальная кора контролирует поведение, но не влияет на инстинктивно возникающие чувства.

Как известно, все формы поведения животных подразделяются на **индивидуальное, репродуктивное и социальное поведение.**

Рассматривая индивидуальные поведенческие акты, характерные для животных можно увидеть в них аналоги нормального и патологического поведения ребенка и прообразы, казалось бы, «чисто человеческого» поведения взрослого:

1. локомоции (двигательная активность как источник «мышечной радости», усиливающаяся до гиперактивности при дефиците сенсорной, информационной и эмоциональной стимуляции, которая обеспечивает «рабочее состояние» мозга и удовольствие от самого факта существования);
2. питание и дыхание – отыскание и запасание пищи, поиск среды богатой кислородом (стремление ребенка «все тянуть в рот», сосание соски, пальца, накопление не съеденных продуктов, собирательство и коллекционирование; стремление к «чистому воздуху»);
3. терморегуляция – обеспечение оптимального температурного режима (упорное обнажение ребенка дома и самораздевание на улице, накрывание с головой и сбрасывание одеяла во сне);
4. поиски убежища («страсть» ребенка залезать в ящики и шкафы, строительство «шалашей», агорафобия);
5. избегание хищников (зоофобии, аффектогенные застывания и возбуждения по механизмам «мнимой смерти» и «двигательной бури» при виде пугающего животного);
6. сон («мгновенное» засыпание, нарколепсия);
7. поддержание чистоты тела (врожденные способы самоочищения – копание в носу, ушах, грызение ногтей, брезгливость, симптом зеркала, мизофобия, сосание собственных волос, трихотилломания, дерматотлазия);
8. биологические ритмы («любовь» к качелям, танцам, усыпляющие и успокаивающие раскачивания, патологическая яктация, употребление кофе, алкоголя, наркотиков с целью регуляции собственного тонуса);
9. исследовательская активность (инстинкт «что такое?», любопытство, ломание игрушек, рискованное поведение по типу «страшно интересно»);
10. игра («заигрывание» в ущерб навыку опрятности, учебной деятельности, гэмблинг);
11. использование орудий (тяга к «взрослым» вещам и инструментам, страсть бить-колотить палкой или камнем);
12. манипуляционная активность (стремление все хватать, крутить-вертеть в руках вещи и части собственного тела, перебирать четки и проч.).

Указывая на роль «внешних влияний», возбуждающих инстинктивные реакции в виде ряда «шаблонных сложных движений», В.М.Бехтерев [4], по сути, говорил о влиянии «**ключевых стимулов**» - релизеров на реализацию «**комплексов фиксированных движений - КФД**» (fixed action patterns) согласно современной этологической терминологии. Являясь единицами («молекулами») инстинктивного поведения КФД отличаются видоспецифичностью (единообразием у всех особей данного вида), врожденным характером (проявлением в «готовом виде», без предварительной тренировки), шаблонностью, т.е. стереотипностью в смысле порядка и формы исполнения [26]. К этой характеристике врожденных навыков в форме КФД следует, на наш взгляд, добавить положительный эмоциональный эффект, сопровождающий их осуществление (инстинктивный прообраз позитивно-утвердительного эффекта сознательной самореализации). Этот момент

представляется весьма важным для понимания субъективного отношения к этим моделям поведения, причин их легкой фиксации и упорной репродукции даже при попытках их произвольного подавления – **инстинктивное поведение приятно само по себе**.

Специфичность внешнего стимула (релизера), инициирующего инстинктивную реакцию может быть проиллюстрирована следующим экспериментом Брукнера (цит. по [31]). Сигналом бедствия, подаваемым цыплятами, для курицы является их писк, но не внешнее поведение. Поэтому, слыша сигнал бедствия, издаваемый привязанными к колышку цыплятами, находящимися за ширмой, курица устремлялась к ним на помощь. Тогда же, когда ширму убрали, но цыплят поместили под стеклянный колпак, так, что курица могла их видеть, но не слышала – она не обращала на них внимания.

Детеныши, также специфически реагируют на определенные стимулы своих родителей. Релизером, запускающим стремление детеныша фазана в укрытие является предупреждающий об опасности сигнал родителя. Галчонок последует за своим родителем в воздух, только тогда, когда тот взлетит под определенным углом и с определенной скоростью.

Известно, что женщина, родившая ребенка, очень скоро научается дифференцировать эмоционально-содержательный смысл звуковых сигналов, подаваемых ее ребенком о том, что ему холодно, голодно, страшно, больно или скучно, что и это определяет характер ее реагирования, которое также быстро становится дифференцированным [47]. В связи с этим природу свертревожного поведения «матери-наседки», либо свертспокойного поведения «холодной матери» стоит искать не только в ее личностных характеристиках, но и в инстинктивных механизмах родительского поведения и церебральном аппарате, который их обслуживает. Они определяют как избирательность реагирования именно на ключевой стимул, так и степень «примативности» индивида, т.е. уровень субординированности инстинктивных программ разумному поведению. В этом смысле «Достаточно хорошая мать» Д.Винникота как раз и представляет собой пример оптимального сочетания материнского инстинкта и рациональности долгосрочной воспитательной программы. Именно рациональность формирует нажитую родительскую реакцию – «бежать в детскую комнату надо тогда, когда там вдруг наступила тишина».

Примером самого простого врожденного моторного шаблона (Erbrcoordinationen) является флэш – приветственное вскидывание бровей при встрече, служащее стереотипным коммуникативным знаком, присущим представителям самых разных культур. Считается, что флэш является чисто человеческим видоспецифичным поведением. Он не наблюдается у шимпанзе, тогда как такая универсалия, как «квадратный рот» при выражении гнева и ярости является архаическим производным от демонстрации клыков, которые у человека далеко не такие угрожающие, как у общего с шимпанзе предка.

Этологическая типология подразделяется на **элементарные единицы** – своего рода *врожденные социальные рефлекс*ы типа крика новорожденного (флэш, улыбка-оскал, повышение или понижение голоса, жест угрозы или примирения), **простые комплексы** (комплексы фиксированных движений — сосание груди или пальца, стереотипные раскачивания - яктация, комплекс оживления, поведение доминирования или подчинения, ауто- и гетерогруминг) и **сложные (контекстные) формы** невербального поведения (пищевое, половое, родительское, игровое, территориальное поведение), регистрируемые в соответствии с этологическим глоссарием [19,33,47,51,63,64,78,] по трем

основным составляющим визуального канала невербальной коммуникации – мимическому, жестовому и позному, а также по вокально-интонационному. Например, наличие, степень выраженности и динамику неосознаваемой или диссимулируемой тревоги можно обнаружить и оценить по ее невербальным признакам в единичных (элементарных), комплексных и контекстных поведенческих проявлениях.

Филогенетическая природа улыбки, смеха, поцелуя, тактильного контакта и прочих «поведенческих универсалий» [78] подтверждается их гомологичностью у приматов и человека, а сохранение их значимости для современного *homo sapiens* тем, что их социальный смысл передается второсигнальными аналогами, к примеру такими бытовыми и литературными выражениями как: «Бить себя в грудь», «Играть мышцами», «Хрюкать от удовольствия», «Ходить гоголем», «Распетушиться», «Облизывать» любимого человека, «Телячьи нежности», «Быть чистым перед людьми», «Целую», «Обнимаю», «Жму руку», «Выше голову», «Держи хвост пистолетом», «Возьмемся за руки, друзья...», «Я готов целовать песок по которому ты ходила» (производное от целования земли у ног императора в подчеркнуто субмиссивной позе). Конкретная типология невербального поведения в конгруэнтности или в диссоциированности его отдельных компонентов, а также в соотношении их с вербальной информацией характеризует как семантику нормального или психопатологического состояния, так и его количественную и качественную динамику (в том числе в процессе терапии). Вид обезьяны в позе «руки в боки» и с поджатым хвостом наводит на мысль об амбивалентности, лежащей в основе диссоциированности ее невербальной экспрессии. Убедительность высказывания человека определяется конгруэнтностью его содержания и тона. Так, угроза, высказанная дрожащим и срывающимся голосом, не вызывает страха.

Этологический анализ невербального поведения, являющегося биологическим маркером психического статуса, позволяет достоверно тестировать актуальное эмоциональное состояние, поведенческие тенденции (в том числе скрываемые, подавляемые и не осознаваемые) и их изменения в динамике.

Так, изучая здоровых и психически больных, совершивших парасуицид. О.А.Гильбурд [16] на *инициальном этапе* аутоагрессии обнаружил, что **элементарные единицы поведения** характеризуются мимикой депрессии, страдания, подчинения (избегание зрительного контакта, взгляд в окно или рассматривание рук; надувание щек и губ, опущенные углы рта; «печальные» или нахмуренные брови, приподнятый внутренний край бровей, горизонтальные морщины на лбу; складка Верагута на верхнем веке; тусклые глазные яблоки; транзиторные элементы - слезы, мимика плача). Указанные мимические элементы сочетаются с позами подчинения (опущенная голова, заведенные назад руки, уменьшение плеча; скрещенные ноги – элемент прятания паха). В положении стоя отмечается тенденция к сгибанию коленей и дальнейшему опусканию головы). Невербальный портрет потенциального суицидента дополняется жестами покорности (прижатая к груди ладонь в сочетании с полупоклоном и наклоном головы; прятание-прикрывание паха руками); латентной тревоги (вытягивание шеи, потирание ее рукой). Невербальные компоненты речи характеризуются такими элементами, как тихий голос, низкий тембр; увеличение продолжительности пауз в ходе речевого контакта как свидетельство о близости скрываемой (диссимулируемой) информации и намерений; тенденция к растягиванию гласных; увеличение числа речевых ошибок; нарастание речевых стереотипий на протяжении всего контакта.

К **простым комплексам поведения** у потенциальных суицидентов относятся: тенденция к увеличению индивидуального расстояния; редукция комплекса приветствия; ориентация при контакте по типу фототаксиса

– реакция избегания (отворачивание при разговоре) с ориентацией к источнику света; аутоагрессивные формы аутогруминга (самоприхорашивания) – онихофагия и трихотилломания.

Сложные формы поведения характеризуются: нарушениями сна (инверсия ритма, фиксация эмбриональной позы); походка в замедленном темпе и с сохранением элементов поз покорности; дезактуализация поведения поддержания чистоты тела и одежды, комфортного и поискового (исследовательского) поведения; у подростков – актуализация имитативного поведения с риском развития «синдрома Вертера». Пищевое поведение характеризуется истинной анорексией. Коммуникативное поведение определяется редукцией доминирования в границах индивидуальной и групповой территории, манкированием семейно-ролевыми функциями. Отмечается отказ от сексуальных контактов и игровой активности.

На вербальном уровне инициальному этапу формирования аутоагрессии соответствует речь по типу монолога.

На *деструктивном этапе* аутоагрессии в элементарных единицах мимики, позы, жеста и вокализации, в простых и сложных комплексах поведения признаки подчинения и покорности вытесняются выраженными, стойкими, превалирующими признаками избегания любых форм контакта с окружающими – от глазного до телесного; исследовательское поведение сводится к поиску территории и способа, удобных для осуществления аутоагрессивных намерений. Характерны аутоагрессивные акты (механические, физические, химические самоповреждения), которые могут быть множественными, являясь при этом самоцелью, либо подготовительными перед суицидом. На вербальном уровне деструктивному этапу, как правило, соответствует мутизм. Собственно самоубийство реализуется лишь в заключительной фазе растянутого во времени суицидального поведения, являющегося социальным сигналом для окружающих и феноменологическим ориентиром для врача [16].

Обращает внимание близость описанной клинико-этологической картины взрослых суицидентов психопатологической характеристике детей раннего возраста с реактивной депрессией, поведенческий репертуар которых в существенной, если не в преимущественной степени обеспечивается врожденными, инстинктивными моделями [66,74].

В.М.Бехтерев [4] подчеркивал, что в инстинктивных движениях, направленных к определенной цели, связанной с биологической потребностью, природой намечены только основные пути для выполнения движений. Сами же они, хоть и выполняются в основе без предшествующего опыта, могут варьироваться в зависимости от внешних влияний и совершенствоваться под влиянием индивидуального опыта, подражания и обучения, т.е. приобретать характер «сочетательно-органический». Иными словами, речь идет о **нажитых условно-рефлекторных компонентах** (модификациях, не передающихся по наследству) **врожденного естественного навыка**. Такова природа отличия пения курского соловья, живущего в своей родной местности, от пения родного брата с рождения изолированного от сородичей, большего совершенства гнезд, которые вьют старые птицы по сравнению с молодыми.

В том, что козлята, генетически близкие, издают одинаковые звуки, нет ничего удивительного. Но оказалось, что генетически разные козлята, растущие в одной социальной среде, начинают «говорить» одним голосом. И с возрастом их голоса становятся еще более похожими. Это указывает на то, что козлята изменяют свой голос в зависимости от социального окружения, приобретают определенный «акцент». Развитие вокальной коммуникации у животных интересно ученым, поскольку помогает понять происхождение и развитие человеческой речи.

В контексте сложного инстинктивного поведения не все состоит из фиксированных элементов. Например, во время поиска пищи соколы находятся в состоянии свободного полета, лишённого жесткого паттерна. Они парят над различными участками, которые их научил осматривать прошлый опыт. Но стоит им заметить добычу (например, скворца), как их действия становятся стереотипными. Их падение вниз и манера захвата добычи представляют собой фиксированный паттерн действий, КФД [40]. Хотя механизм обратной связи, смягчает их жесткость, обеспечивая «коррекцию целью», например, изменение полета, для перехвата

добычи. Аналогично и человек перед запоем или сексуальной агрессией свое поисковое поведение направляет предыдущим опытом, а не жестко фиксированными врожденными паттернами.

Известно, что только что вылупившиеся цыплята начинают клевать любые контрастирующие с фоном предметы, соизмеримые с величиной их клюва, реализуя «врожденную доминанту» [56]. Постепенно, по мере накопления онтогенетического опыта они обучаются клевать только те, которые могут служить кормом. Врожденное отсутствие особого страха перед животными и человеком у совсем юных особей млекопитающих исчезает по мере накопления приобретенных компонентов поведения.

Таким образом, врожденные модели поведения в критический период жизни индивидуализируются с помощью инстинктивных механизмов (в частности, импринтинга – мгновенного запечатления), в последующем дополняются условно рефлекторными компонентами и совершенствуются по мере накопления индивидуального опыта. Отмеченные моменты прослеживаются в динамике эмоционально-стрессовой и бихевиоральной терапии, а также в педагогике и обыденной жизни человека («Пора пришла – она влюбилась»), причем, возможно, на всю жизнь, несмотря на доводы рассудка и жизненный опыт).

В этом смысле легализация однополых браков и разрешение гомосексуальной паре усыновлять детей (особенно не миновавших критического периода реализации импринтинга родительской фигуры, начало которого проявляется комплексом оживления, как аналога реакции следования, а окончание – возникновением страха чужих) – является позицией, не учитывающей законы этологии и угрожающие снижением рождаемости в соответствующих странах. Такая социальная позиция, по нашему мнению, отражает дисбаланс в диаде примативность – разумность у ее носителей в ту или иную сторону. У гетеросексуалов – это, своего рода, «горе от ума» в виде идеологического помешательства на почве демократии (в контексте социального поведения), у гомосексуалов – долгосрочная инстинктивная программа, закамуфлированная изощренной рационализацией (в контексте сексуального поведения).

Да и при обычном усыновлении этой процедуре должна предшествовать семейно-групповая психотерапия, включающая позитивный регресс, эмоционально-стрессовое моделирование критического периода запечатления приемного родителя, физического и психологического напряжения усилий в процессе «реакции следования» и совместного совершения «подвигов», взаимодействия с группой и т.п., что в совокупности с другими формами научения и приобретения опыта, формирует взаимную привязанность (см. главу, посвященную этологии сирот).

Невербальная коммуникация человека в существенной мере состоит из генетически унаследованных от приматов стереотипных сигналов. Многие мимические выражения, жесты и позы гомологичны таковым у шимпанзе и бонобо. Они универсальны и понятны представителям самых несхожих между собой культур, информируя их об эмоциональном состоянии партнера по общению. В то же время существенная доля мимических выражений, жестов и поз претерпела регламентацию конкретной культурой вплоть до того, что сходные жесты-символы могут использоваться с диаметрально противоположной смысловой нагрузкой (например, жест головой, означающий «да» и «нет»). Это расхождение между врожденными и «конвенционными» коммуникативными знаками может обусловить непонимание и конфликты в условиях межкультурального взаимодействия [9].

Более легкий вариант нарушения инстинктивно-интеллектуального содружества в построении коммуникативного поведения (за счет неспособности адекватно воспринимать невербальное поведение окружающих и на основании этого подсознательно корректировать собственные произвольные поступки), демонстрирует Чацкий в комедии А.С.Грибоедова. Поэт гениально точно (в том числе и в этологическом смысле) определил проблему своего «второсигнального» героя как «Горе от ума». Известно, что «Маленький ребенок, как собака, к плохому человеку не подойдет», инстинктивно улавливая его невербальную информацию. В то же время не редки случаи, когда юные девушки, утратившие врожденную способность улавливать неконгруэнтность вербального и невербального поведения в результате замкнутого образа предыдущей жизни, легко становятся жертвами наглого обмана мужчин, уверяющих, что они не сделают с ними ничего плохого.

В онтогенезе инстинктивные модели могут усиливаться и генерализовываться, подавляться или субординироваться нажитыми навыками, а также переадресовываться. Так, в одних случаях аутогруминг, имеющий изначально самоочищающий и/или прихорашивающий смысл, переходит в гетерогруминг, как выражение взаимной заботы, в других - в «смещенную» манипулятивную активность в виде «взволнованного» кручения волос или аутоагрессивную трихотилломанию.

К примеру, про прихорашивающуюся перед зеркалом женщину говорят, что она «чистит перышки». С любимого человека мы «сдуваем пылинки», перед кабинетом строгого начальника «нервно» поправляем прическу или галстук, находясь в недоумении, чешем затылке, а от отчаяния рвем на себе волосы.

Подавление собственного пищевого поведения при нервной анорексии нередко сопровождается активным (переадресованным) закармливанием окружающих близких.

Социализация инстинктивного поведения у человека элевирует лежащие в его основе биологические потребности, преобразуя голод в аппетит, половое влечение в любовь, страх загрязнения в чистоплотность. Можно сказать, что человеческая потребность в самореализации, в том числе в форме «творческого самовыражения» – есть вершина социо-культуральной эволюции «эгоистического гена», отдаленное проявление расширенного фенотипа [18,22]. Регрессивная, в том числе болезненная трансформация врожденного поведения выражается в булимии (патологическом обжорстве), сексуальной мании, мизофобии. Подавление инстинктивных основ тех же форм поведения проявляется в истинной анорексии (с отсутствием чувства голода), сексуальной индифферентности, утрате навыков опрятности (упоминавшийся выше «вакуум активности»).

С другой стороны, сверхоочищающее поведение при той же мизофобии может иметь характер прямой защиты от физической грязи (представляющей биологическую опасность

для любого животного), а может быть символическим избавлением от «грязи» моральной (угрожающей социальной сущности человека). При этом стремление «очиститься» и в первом и во втором случае может быть одинаково сильным как в норме, так и в патологии. В то же время направленность психотерапии при страхе физического и страхе морального ущерба, сопровождающегося идентичным самоочищающим поведением, естественно, будет существенно отличаться (см. главу, посвященную мизофобии).

Фиксированному паттерну действий (КФД) присущ основополагающий побудительный компонент (drive component), внутреннее стремление совершать инстинктивные действия. Напомним, что реализация врожденной бихевиоральной модели (впрочем, как и прижизненно приобретенной привычки) приятно само себе, а, стало быть, потребность в их реализации может не только провоцироваться, но и самоактуализироваться по пейсмейкерным механизмам. Соответственно, если поведение долго не инициировалось, стоящее за ним побуждение может накопиться до такой степени, что может реализоваться и в ответ на менее специфический стимул (и тогда самцы начинают ухаживать за самками, не имеющими специфические инициирующие стимулы, например - разбухший от икры живот – своего рода «рыбная педофилия»). Сексуальная активность человека, в результате длительного воздержания или в случае мозговой дисфункции (пейсмейкерные механизмы связывают с функцией надхиазмального ядра) может включиться, несмотря на отсутствие у представителя противоположного пола вторичных половых признаков или на наличие у него признаков старости («На чужой сторонке и старушка – божий дар»).

Иногда внутреннее стремление к проявлению инстинкта достигает столь высокой степени, что КФД срабатывает без всякого стимула, «в вакууме» (Lorenz K., 1963, цит. по [31]). Указанная закономерность распространяется не только на врожденные, но и приобретенные потребности, и тем более на те «расстройства привычек и влечений» в основе которых лежат инстинктивные модели поведения – трихотилломания и другие патологические привычные действия, клептомания, пиромания, алкоголизм и другие формы аддикции, рискованное, агрессивное, в том числе сексуально-агрессивное поведение и проч.

В связи с наличием *drive component* инстинктивного поведения животные не ждут ключевых стимулов (релизеров) пассивно. Разнообразные физиологические механизмы побуждают животное самому искать стимульные ситуации, что называется **аппетитивным поведением** [79]. Это поисковое поведение дает возможность выполнить конкретную программу, такую как питание, охота, питье, полоспецифические действия, агрессивные акты. Так, агрессивный ребенок буквально «ищет с кем бы подраться», оправдывая свои драки тем, что его толкнули, обозвали, осмеяли и т.п. Став взрослым, он реализует соответствующее аппетитивное поведение тем, что «напрашивается на конфликт».

У высших позвоночных ключевые сигнатуры конечно сложнее, чем релизеры у рыб, но суть от этого не меняется – реагирование происходит без минимального анализа, чуть ли не автоматически. Как только обстановка совпала с шаблоном - то при соответствующем внутреннем состоянии возникло и желание. Собака, облаивающая проезжающие автомобили, ведёт себя вроде бы бессмысленно, однако если знать о сигнатурности работы инстинктивных механизмов, то ничего удивительного в этом не будет. Есть большой движущийся объект (ключевой стимул) - возникает желание погавкать (сторожевой инстинкт). Аналогично у людей бессмысленной может выглядеть, например, немотивированная жестокость. Агрессор во многих таких случаях не имеет никаких прагматических выгод от избиения, а то и убийства своей жертвы; кроме того, он затрачивает на это изрядное количество калорий! Так зачем же?

Примерно затем же, зачем лает на проезжающие автомобили собака. При сильном внутреннем настрое на иерархический поединок (хочется удовлетворить свои иерархические амбиции, а не на ком), наличие в поле зрения существа, выглядящего более низкорангово, вызывает желание его победить, хотя с прагматической точки зрения эта победа бессмысленна, и даже влечёт риск репрессий со стороны государства. Но хочется...

Да, разумеется, человек – это не муха, и даже не рыба-колюшка, для которых желание - это практически и есть действие (хотя бы попытка действия). Кора головного мозга, особенно – лобные доли для того и существуют, чтобы желания проходили какой-никакой контроль и отбор, и чтобы не все из них доходили до практических поступков. Но что если нельзя, но **ОЧЕНЬ** хочется?

Следует сказать, что лимбическая система (один из основных реализаторов инстинктивного и близкого к нему поведения) не имеет "внутреннего голоса"; и, если она чего решила - делает своё дело молча. Молча возникает какое-то чувство, желание, причины возбуждения которого никому не сообщаются. И тут-то неокортекс (рассудок) начинает заниматься подгонкой под ответ. "Зачем ты избил этого гражданина?" - "А чё у него пуговица не застёгнута!", примитивно рационализируя свою краткосрочную программу иерархического поведения. На деле это желание возникло от того, что гражданин производил впечатление низкорангового члена иерархии, но рассудком эта мотивировка не осознавалась, причём совершенно искренне [49]. На осознание подобных механизмов направлена техника психоанализа, хотя интерпретация их не всегда строится в соответствие с этологическими и социобиологическими закономерностями [8].

Инстинкт собирателя (каковым изначально был человек и каковым он остается в архаических племенах, затерявшихся в джунглях Амазонии, пустынях Австралии и Южной Африки, на островах Океании) проявляется у маленького ребенка в стремлении «все тащить в рот», у повзрослевшего – в страстном удовольствии от собирания грибов, орехов и ягод (не получаемым при их покупке на рынке). Тот же инстинкт в элевированном виде обнаруживается в приверженности к блюдам национальной кухни (от эскимосской до французской) с оттенком тухлятины (древний собиратель не брезговал дохлой рыбой, объедками со стола хищников, червями и насекомыми). Он же руководит ребенком, приносящим в дом «всякий хлам», лежит в основе рассудочной деятельности коллекционера марок и этикеток, научного азарта зоолога и ботаника, собирающих и классифицирующих коллекции животных и

растений, порочной страсти Скупого рыцаря и патологической деградации Плюшкина [23].

В высшей степени важным, как подчеркивал В.М.Бехтерев [4], является выяснение того, какие элементы в инстинктивном поведении наследственны и какие зависят от индивидуального опыта.

Указанная дихотомичность единого феноменологического контекста нашло свое отражение в МКБ-10, включающей в единой рубрике «расстройства привычек и влечений» (F63), к которым относятся kleптомания, трихотилломания, пиромания, патологическая склонность к азартным играм и проч.

Любая сформировавшаяся при жизни привычка может быть усилена до степени влечения (по принципу «стерпится – слюбится»), но в особенности та, которая базируется на инстинктивных моделях и врожденных механизмах поведения. Инстинктивная тяга к огню (это единственно чисто человеческий инстинкт, отсутствующий у животных), возникшая у наших далеких предков, на уровне сознания ритуализируется в самых различных формах – от культов идолопоклонников до пионерских костров, олимпийского факела и Вечного огня в честь павших [23]. Бессознательное детское стремление к игре с огнем легко становится привычным развлечением, а в патологии трансформируется в разрушительное блаженство пиромана. Соперничество между братьями универсально присуще всем детям, что подтверждено транскультуральными исследованиями, и его отсутствие – скорее исключение, чем правило. В связи с этим диагноз «Расстройство сиблингового соперничества» (F93.3 по МКБ-10) ставится не по факту его наличия, а по качественным и количественным критериям.

Для профилактики сиблингового (или иного иерархического) соперничества общие игры с сибсами или воспитанниками должны сочетаться с индивидуальными занятиями с каждым. Тогда между ними будет меньше конкуренции. В социальной жизни демонстрация лидером равного расположения к конкурирующим индивидуумам (или народам) только усиливает взаимную неприязнь и соответствует политике «разделяй и властвуй» [25]. Посредничество в конфликтах часто имеет целью разжигание взаимной неприязни – принцип американской политики. Воспитание, подавляющее все проявления агрессии (вплоть до игр в снежки, как в современной Финляндии) уродует человеческую сущность и производит потенциальных маньяков, садистов и самоубийц. В противовес этому в Испании сохраняется традиция осенних «помидорный войн». Целостное поведение формируется в результате наложения приобретенного поведения на врожденное.

Практически в каждом случае воровства, манипулирования с собственным телом, поджога или увлеченной игры можно проследить сочетание врожденных и культурально

обусловленных механизмов. С другой стороны, даже доказав безусловную ненормальность того или иного поведенческого феномена, клиницист сталкивается с необходимостью его дальнейшей психопатологической квалификации, то есть отнесения к собственно «патологической привычке», к сверхценному образованию, навязчивому, неодолимому или импульсивному влечению [1,37,71].

Принципиальным положением этологии, как уже было сказано, является постулат об адаптивной либо защитной природе любого поведения (и нормального и аномального) в конкретной экологической ситуации [78]. Другое дело, что адаптивно-защитный «контекст» того или иного поведения следует рассматривать в различных эволюционных регистрах, не только в индивидуально-онтогенетическом, но и в более общих (на родовом, видовом и общебиологическом уровнях). В этом смысле актуален эволюционно-этологический тезис о том, что в основе большинства психических расстройств, равно как и другой (в том числе донозологической) патологии, лежит адаптивная биологически детерминированная, но искаженная реакция [32]. Более того, неизменное сохранение в той или иной форме психопатологических аномалий (в частности, шизофрении и «расстройств шизофренического круга», эпилепсии и пароксизмальных расстройств, истерии, циклотимических нарушений) в процессе естественного отбора на всех этапах геннокультурной эволюции *Homo sapiens*, свидетельствует о ценности и значимости психической патологии. Это позволяет рассматривать последнюю как важнейший и облигатный фактор эволюции человека [51,54].

В контексте обозначенной нами темы важным представляется указание В.М.Бехтерева [4] на то, что инстинкт не везде и не всегда обнаруживает безошибочно-полезное для организма руководство его движениями, что инстинкт, подчас, несомненно, обманывает и приводит к пагубным последствиям. И это не удивительно, поскольку и условные рефлексы, и высокоавтоматизированные навыки, как известно, могут порой приводить к вредным для организма последствиям. Одной из причин ошибок инстинктивного реагирования может быть «смещение полезных и вредных для организма внешних влияний» (например, приятный вкус и запах ядовитых для организма веществ). Из этологии известно, что ключевой стимул представляет собой крайне простую и ограниченную информацию (для мотылька это свет, для хищной рыбы – все что движется и блестит, для новорожденного млекопитающего – запах материнского молока). Инстинктивная ориентация на узкий диапазон сигналов, запускающих и прекращающих реализацию КФД, может обмануть животное и привести не к удовлетворению биологической потребности, а к ущербу и даже смерти. Так, принимая за медузу плавающий в море целлофановый пакет, черепаха может заглотить его со всеми вытекающими последствиями, рыбаки с успехом заменяют живую наживку ее имитацией в виде блесны, мормышки, перышка или цветной нитки. Енот-полоскун, реализуя врожденную программу предварения приема пищи ее мытьем в воде, может лишиться себя возможности полакомиться

куском сахара, а в случае осуществления аналогичного КФД в отношении собственного детеныша (переадресованная активность) способен случайно утопить его.

С другой стороны, несовершенство церебрального аппарата, обеспечивающего такую избирательность инстинктивного реагирования, заведомо (даже без внешних артефактов) обрекает животное с врожденной или приобретенной патологией на гибель. Иное дело с человеком, нередко (а в результате стремительно ухудшающейся экологии и благодаря успехам неонатологии все чаще и чаще) рождающимся и выживающим с перинатальной энцефалопатией, проявляющейся минимальной (а порой и весьма существенной) мозговой дисфункцией подкорковых механизмов, обеспечивающих включение, функционирование и завершение реализации инстинктивных моделей поведения. В этих случаях КФД могут запускаться в ответ на неспецифические стимулы, реализовываться неадекватно напряженности соответствующих потребностей, не реагировать на сигналы о том, что цель инстинктивного поведения достигнута и активность должна смениться покоем, не корректироваться уже полученным индивидуальным опытом и соображениями разумности. Кстати, чем произвольнее поведение, обеспечивающееся напряжением лобной коры, чем более оно определяется соображением разумности, оторванным от инстинктивных детерминант, многие из которых атавистичны (а порой и прямо противоречат житейской логике), тем больших энергетических затрат оно требует. В связи с этим высокая «примативность» в понимании А.И.Протопопова [49], которая не обязательно связана с низким уровнем интеллекта, может быть обусловлена церебральными потребностями в «сохранении энергии», которые и удовлетворяются более экономичным «автопилотным» поведением.

Р.Докинз [21] указывает, что, хотя «технически» неокортекс имеет большие возможности контролировать мозг (то есть, при соответствующем усилии воли можно подавить практически любой инстинкт, включая инстинкт самосохранения), но это только ВОЗМОЖНОСТЬ. Практически, ему, образно говоря, часто лень это делать, или он просто не считает нужным. Ведь так приятно плыть по волнам эмоций! И когда оппоненты приводят в пример случаи глубокого перевоспитания человека, то это всегда единичные случаи, когда человек (обычно – ребёнок) подвергался исключительно мощному педагогическому воздействию, намного превосходящему по силе то, которому подвергается основная масса людей. В принципе, перевоспитать можно очень глубоко, но это в силу разных, по большей части объективных причин почти никто не делает. В результате влияние

врождённых поведенческих программ у основной массы людей оказывается сопоставимым по величине с культуральным. Исходя из этого, напрашивается мысль, что перевоспитание, ориентированное на подчинение подкорковой примативности корковой культуральности могло бы быть более эффективным, если бы сопровождалось дополнительной энергетической подпиткой лобной коры, или хотя бы повышением коэффициента полезного действия ее работы.

Автор подчеркивает, что, несмотря на статистическое влияние генов на поведение человека существует возможность изменения этого влияния, его подавления и реверсии. Эта возможность обеспечивается чисто человеческим качеством – способностью к осознанному предвидению (вторая, предполагаемая им чисто человеческая черта – способность к неподдельному, бескорыстному альтруизму). Оно отсутствует у генов и мемов, являющихся единицами биологической и культурной эволюции и существующих как бессознательные репликаторы, руководствующиеся исключительно кратковременным эгоистичным преимуществом, даже, если в далекой перспективе им придется за это расплачиваться. Он пишет: «Мы, то есть наш мозг достаточно обособлены и независимы от наших генов, чтобы восстать против них» (стр. 484). Мы это делаем, так сказать, «по мелочам», всякий раз, когда прибегаем к противозачаточным средствам, но автор не видит никаких причин к тому, чтобы мы не могли взбунтоваться и в более широких масштабах [21].

С другой стороны, сверхвысокий контроль со стороны суперэго над собственными инстинктами, недоверие к ним, может обусловить «горе от ума» и делать людей несчастными (не говоря уже об их большей подверженности невротическим и психосоматическим расстройствам). Так, на недостаток ожидаемой от мужчины примативности указывает фраза известной киногероини: «Хороший ты мужик..., но не орел». Привлекая любимого мужчину с помощью демонстрации ключевых стимулов собственной внешности, возбуждающих его половые инстинкты, женщина с негодованием обзывает его «животным», если эти же инстинкты сработали у него при виде другой женщины.

В норме врожденные поведенческие системы с их центральными и периферическими звеньями, усложняются в процессе онтогенеза за счет приобретенных, условнорефлекторных компонентов, а у человека еще и субординируются осознанным, произвольным, личностно опосредованным поведением. При этом этологический смысл одних и тех же КФД может существенно расширяться. Те же самые действия, которые изначально обеспечивают очищающе-прихорашивающее груминг-поведение, могут включаться в контекст полового, иерархического, комфортного, агонистического (агрессивного) и иного типа автономного и/или социального поведения. Например, забота о чистоте жилища входит в контекст территориального поведения.

Взаимопотенцирующие инстинктивные детерминанты поведения зафиксированы в языке и культурных традициях. Так, сочетание механизмов агонистического и игрового поведения обнаруживается в том, что в игре «побеждают», а сражения «выигрывают». Тот факт, что «выигравший

победитель» традиционно награждается («удостаивается» награды), занимает пьедестал «почета» и «повышается в звании» свидетельствует о подключении к уже отмеченным, еще и иерархических мотивов, имеющих филогенетические корни. Это делает соответствующее поведение (будь то футбольная или шахматная «баталия», рыночная конкуренция, политические «игры» или президентская «гонка») еще более увлекательным, причем не только для непосредственных участников, но и для тех, кто себя с ними идентифицирует, а стало быть «со-чувствует» (благодаря зеркальным нейронам).

Следует также иметь в виду, что на реализацию инстинктивных моделей поведения влияют такие **этологические механизмы**, как *импринтинг* (мгновенное запечатление), *смещенная активность*, *переадресованная агрессия* [40,52,57]. Они способны существенно отдалить КФД от их изначального биологического смысла и сделать психологически малопонятными. Например, зафиксировать на случайном объекте, сделать фиктивным способом замены подавленной активности (что происходит при столкновении двух равносильных, но противоположно направленных мотивов), преобразовать агрессию в самоагрессию и наоборот.

Указанные механизмы сближают компульсивное поведение при мизофобии (включающее врожденные комплексы фиксированных движений, нажитые под воздействием воспитания социальные навыки, а также собственные приемы приспособления и защиты, сформировавшиеся в процессе болезни) с такими патологическими привычными действиями, как онихофагия и трихотилломания [71] (см. главу, посвященную мизофобии).

Смещенная активность – универсальная форма поведения при стрессе [24]. Она возникает если процесс поиска ключевого стимула (*для адекватного ответа из имеющегося врожденного или приобретенного репертуара*) затягивается. В этом случае энергия мотивации (*«Надо что-то сделать!!!»*) находит свой выход в поведении, основу которого составляет КФД, не соответствующий текущей мотивации (*направленной на удовлетворение доминирующей потребности*).

К примеру, в кинофильме «Покровские ворота» раздосадованный Савва Игнатич, не находя «прямого» выхода для переполняющих его чувств, лихорадочно разряжает их привычной работой с точильным прибором.

Характеристики смещенной активности, или стрессорного поведения: 1-отсутствие биологической целесообразности; 2-возникновение в отсутствие пусковых стимулов; 3-видоспецифические КФД, у человека – наиболее привычные формы поведения (*чаще всего, сформировавшиеся на основе инстинктивных моделей*). Условия возникновения смещенной активности: 1-ключевой стимул не найден; 2-конкуренция КФД; 3-конкуренция мотиваций. Формы смещенной активности: 1-мозаичное – начинается одновременно несколько действий и ни одно не завершается (*навязчивое метание*); 2-переадресованное – поведение той же мотивации направлено не на тот объект (*к примеру, замена гетероагрессии самоповреждающим поведением*); 3-собственно смещенное – КФД другой мотивации, или явно неадекватный КФД.

Пример смещенной активности в форме пищевого поведения, возникшей под влиянием эмоционального стресса, порождающего неразрешимое противоборство разнонаправленных мотивов, фиктивно разряжаемых с помощью случайно активизированного стереотипа, мы находим в известном произведении И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок». «Жил на свете частник бедный. Это был довольно богатый человек: владелец галантерейного магазина... Однажды вечером он вернулся домой с искаженным лицом. Молча он полез в буфет, достал оттуда цельную холодную курицу и, расхаживая по комнате, съел ее всю. Сделав это, он открыл буфет, вынул цельное кольцо краковской колбасы весом ровно в полкило, сел на стул и, остекленело глядя в одну точку, медленно сжевал все полкило. Когда он потянулся за крутыми яйцами, лежащими на столе, жена испуганно спросила:

- Что случилось, Боря?
- Несчастье! – ответил он, запихивая в рот твердое резиновое яйцо.
- Меня ужасно обложили налогом. Ты даже не можешь себе представить.
- Почему же ты так много ешь?
- Мне надо развлечься, - отвечал частник, - Мне страшно.

И всю ночь частник ходил по своим комнатам, где одних шифоньеров было восемь штук, и ел. Он съел все, что было в доме. Ему было страшно».

Помимо стресса, регрессу к инстинктивному поведению, как уже было отмечено, способствуют энцефалопатические факторы, определяющие расторможение подкорки и/или недостаточный тонус коры головного мозга.

Для освобождения от «автопилотного» примативного стереотипа поведения необходимо не только соответствующее социально-экологическое мировоззрение, направленное в будущее (от планирования потомства до следования принципу реципрокного альтруизма), подчиняющее себе коллективное бессознательное, но также - сильная воля, обеспеченная высокой энергетикой лобных долей здорового и зрелого мозга.

Резидуально-органическая церебральная недостаточность, как правило, обнаруживается у больных с булимией, патологическими привычными действиями, элективными мутизмом, аутизмом, синдромом гиперактивности и другими психическими отклонениями, характеризующимися болезненной трансформацией инстинктивного поведения [1,70]. У всех серийных сексуальных насильников обнаружена комплексная морфологическая патология различных структур головного мозга [11]. При этом заинтересованность как подкорковых, так и корковых структур (септальная область, желудочковая система, конвекситальная поверхность мозга с акцентом на передние отделы) подтверждает мнение В.М.Бехтерева о том, что готовые механизмы реализации инстинктов заложены в подкорковых центрах, но самое их осуществление возможно только при посредстве корковых импульсов. Более того, лобная кора способна рационализировать инстинктивную реакцию (для самого человека и окружающих), придав ей вид произвольно-осмысленного и логически оправданного поступка («подрался потому, что приставали», «украл потому, что хотелось есть» и т.п.).

Сочетание мозговой аномалии и инстинктивного механизма импринтинга (жесткого запечатления ключевых признаков потенциальной жертвы) в манифестации и оформлении содержания различной патологии влечений, наряду с другими характеристиками («мужская» избирательность патологии, социогенная их привязка, личностная фрустрация в преморбиде, преимущественное возникновение в подростковом и молодом возрасте, этапность развития от психологических девиаций к психопатологическим синдромам, непроцессуальная эндогенезация, нешизофреническая прогрессивность), дает основание говорить о нозологической самостоятельности данной группы заболеваний [12].

В частности, и садизм, как специфическая форма агрессивного поведения имеет свои инстинктивные основы и непатологические прообразы, поскольку существует вполне логическая и общепризнанная связь между половым актом и болью в самом прямом смысле слова [36]. В основе садизма может лежать фиксация агрессивной эмоции со смещенной активностью в форме полового возбуждения с эрекцией (отсутствующей в обычных социально естественных условиях и при отсутствии церебральной недостаточности). Аналогичная связь с другими эмоциями (в частности, с дисфорической депрессией) объясняет многие формы социальных извращений. Так, эксбиционизм, возможно, является следствием фиксации полового возбуждения с эмоцией доминирования у личностей, страдающих комплексом неполноценности.

Энцефалопатически-дизонтогенетическая основа патологического поведения, имеющего инстинктивные корни ставит вопрос о дополнении традиционных медикаментозных и психотерапевтических подходов методами нейропсихологической коррекции, особенно перспективными в отношении детей и подростков [28,29].

Так, знание того, что ребенок раннего возраста, находится на этапе развития, которому соответствует сомато-вегетативно-инстинктивный уровень нервно-психического реагирования (по В.В.Ковалеву), включающий в себя несколько «периодов чувствительности» (по М.Монтесорри), позволяет по-разному оценить одни и те же психические феномены. Например, стремление ребенка в первые три года жизни к упорядочиванию окружающей обстановки (в частности, к расставлению привычных предметов на свои места) в одних случаях является нормальным поведением, облегчающим ориентацию в пространстве, которым ему предстоит овладеть, в других – первично-дизонтогенетическим проявлением («феномен тождества»). В случаях же сохранения этого поведения в более старшем возрасте, или возникновения подобной ритуальности после 3-х лет (вторично-дизонтогенетический феномен регрессивного типа) дает больше оснований

для его оценки в качестве болезненного («неофобии»). Тем более, если имеются качественные признаки трансформации продуктивно-дизонтогенетического образования в собственно психопатологическое (в частности, обсессивное). Причинами такой динамики инстинктивного поведения могут быть как наследственно-конституциональные, так и психогенные, а также энцефалопатические факторы, а чаще всего – их сочетание и динамическое взаимодействие. Это делает нейропсихологическую (сенсомоторную) коррекцию крайне желательной (если не обязательной) составляющей комплексной многоуровневой лечебно-реабилитационной программы [73].

Иллюстрируя свои мысли примерами пищевой, половой и социальной активности животных, В.М.Бехтерев [4], по сути, выделил три основных обобщенных смысла всех наследуемых форм поведения, обозначаемых как *инстинкт самосохранения, инстинкт сохранения рода и инстинкт сохранения вида*. Изучая биологические корни искусства мы [65] пришли к выводу о необходимости дополнения указанной триады четвертым интегративным инстинктом, а именно *инстинктом сохранения мира* (который на уровне человека может быть обозначен как **экологический инстинкт**). Его существование объясняет некоторые особенности врожденного поведения, не детерминированные предыдущими тремя обобщенными инстинктами, поскольку с точки зрения непосредственных задач самосохранения, продолжения рода или социального взаимодействия они представляют собой бессмысленное украшательство и ритуализацию одного и его продуктов. В частности, речь идет об ориентированности форм и продуктов врожденного поведения на отражение таких характеристик устойчивости внешнего мира как ритм и симметрия (см. соответствующую главу книги).

Близкую точку зрения в отношении обобщенных, «стратегических» инстинктов занимают А.И.Протопопов и А.В.Вязовский [49].

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИНСТИНКТОВ (по Протопопову А.И. и Вязовскому А.В., 2011).

Группа	Подгруппа
Индивидуальные витальные (самосохранения)	Инстинктивные страхи ситуаций и животных Инстинкт экономии энергии (лени) Внутривидовой эксплуатации (воровство*, обман**)
Репродуктивные	Половой** Родительский+
Социальные	Родственной консолидации+ Неродственной изоляции+ Конформизма (конформной консолидации) Вертикальной консолидации (иерархический)** Горизонтальной консолидации** Клептомании*

Адаптация к эволюционной среде обитания	Территориальный Ландшафтных предпочтений Поиска и собирательства Конструктивистские Миграции Самоограничения численности вида Охоты и рыболовства Агро- и веткультуры Тяги к огню
Коммуникативные	Мимика и жесты Невербальная звуковая коммуникация Лингвистический

Значки (* +) отмечают взаимомодулирующие (экстраполярные) инстинкты разных групп.

Первые четыре группы инстинктов, выделяемые авторами, в принципе соответствуют обобщенным инстинктам, обозначаемым нами как инстинкты «самосохранения», «сохранения рода», «сохранения вида» и «сохранения мира» (в применении к человеку – «экологический инстинкт»). Они представляют собой эволюционную иерархию (поскольку, сколь «эгоистичным» не был бы ген, стремящийся к своему распространению, главным условием его успешности является сохранение среды, в которой он возник и существует), соблюдение которого для «человека разумного» далеко не всегда является правилом в связи с экспансивностью овладевающего компонента адаптации.

Что касается выделяемой авторами группы «коммуникативных инстинктов», то их самостоятельность представляется спорной, поскольку они являют собой комплексы фиксированных движений, обслуживающих все основные группы. Относительно представленных в таблице подгрупп можно сказать, что естественно, их жесткое прикрепление к основным группам представляется достаточно условным (так родственная консолидация «работает» и на витальном уровне, равно как и иерархический инстинкт).

Естественный отбор, ценой гибели от голода тех, кто нарушал равновесие экологической системы, вырабатывал в человеческой популяции защитные и активно-приспособительные механизмы, способствующие сохранению окружающей среды. Один из таких механизмов – любовь к природе, жалость к животным и деревьям, стремление не портить их зря, больше необходимого, очеловечение их, сопереживание страданиям чуждых нам существ. С этим рождается почти каждый ребенок [23]. Дальнейшее зависит от воспитания и наглядного примера «рационального» поведения взрослых, многим из которых свойственно легко нарушать этот врожденный запрет (в том числе из-за антропоцентрического мировоззрения, диктующего не «ждать милостей от природы», а безвозмездно и бесконтрольно брать их у нее).

Смена урбанистического мышления на экологическое, характерное для современного общества, символизирует восстановление сотрудничества человеческого разума с наработанными эволюцией инстинктивными

программами, точнее осознанное предпочтение энергозатратных окультуренных «долгосрочных» инстинктивных программ, в ущерб «краткосрочным» [49].

Нарушение экологического инстинкта, проявляющееся в протодиакризе - отношении к близким людям как к неодушевленным предметам, характерном для детей раннего возраста с шизотипическими расстройствами, говорит о серьезных дизонтогенетических отклонениях на уровне природно-психических основ личности. В то же время негативное или безразличное отношение к близким людям при сохранении любви к животным и растениям, способности жалеть, сочувствовать и заботиться о щенке, котенке, канарейке (которые порой искренне называются «членами семьи» и контакт с которыми нередко несет встречный психотерапевтический эффект – «анималотерапия»), свидетельствует о сохранении первичной морали (общей у человека и животных) в которую входит запрет причинять ущерб тем, кто нам доверяет, кто поселился среди нас и пользуется нашей защитой. В этих случаях причину эмоциональных нарушений у ребенка следует искать в психогенных или дидактогенных влияниях. Возможно, что неадекватные методы воспитания обусловили чисто потребительское отношение эгоцентричного ребенка к родным людям, как к действительно прирученным (истинно домашним) животным (курам, свиньям, козам) к которым человек не испытывает бессознательной любви. В этих случаях холдинг-терапия представляется радикальным способом преодоления протодиакриза у детей-аутистов [30].

Следует отметить, что одни и те же КФД могут иметь для особи разный смысл и включаться в контекст поведения различной направленности. Так, онанизм подростка обычно представляет суррогат полового акта, для маленького ребенка – это чаще способ снятия физического дискомфорта или эмоционального напряжения. Характерно, что для карликового шимпанзе – вида наиболее близкого современному человеку, сексуальный контакт (в том числе между матерью и ребенком до пятилетнего возраста, когда наступает его половая зрелость) является типичным поведением во многих стрессовых ситуациях. Таким образом, психоаналитическая загадка **Эдипова комплекса** находит свое решение благодаря привлечению этологической информации о наличие его филогенетического прообраза. У львов возмужавший самец может вступить в смертельное противоборство с собственным отцом, претендуя на его место хозяина прайда.

Более того, возникнув в качестве врожденного способа удовлетворения определенной потребности тот или иной КФД, в соответствии с его многозначным психофизиологическим или эмоциогенным эффектом, может генерализоваться и приобрести с течением времени качество универсального ответа на любой

неспецифический стресс. Такой привычный паттерн, представляющий собой результат вторичной фиксации инстинктивного стереотипа, из условно-патологического (многозначно компенсаторного) поведенческого феномена (вытесняющего иные имеющиеся в индивидуальном репертуаре способы адаптации и тормозящего созревание более зрелых и дифференцированных), может трансформироваться в собственно психопатологическое образование (навязчивость, сверхценность, неодолимое влечение). Такова динамика изученных нами врожденных поведенческих моделей при агрессивном поведении, элективном мутизме, функциональном энкопрезе, kleptomании, дромомании, патологических привычных действиях у детей.

Филогенетическим прообразом того, как эмоциональное сопровождение инстинктивного груминг-поведения может сделаться самостоятельным мотивом его усиления или повторения при дерматотлазии и трихотилломании может быть наблюдаемое поведение акул и других морских хищников. У каждого из них существуют своего рода «стационарные мойки» между скал на дне моря, куда они периодически приплывают, чтобы очиститься от прилипших к поверхности тела и челюстям паразитов. Осуществляется это с помощью обитающих в этом месте бычков и креветок. При этом удовольствие от поскребывающих манипуляций «чистильщиков» настолько велико, что задерживает находящегося в блаженном трансе «клиента» в «мойке» надолго после того, как гигиеническая цель процедуры достигнута. Если во время этого очищающего поведения, переходящего в комфортное, к акуле подплывает аквалангист и подключается к щекочущим действиям «чистильщиков», то он может спокойно и совершенно безопасно удерживать в своих руках пассивно подчиняющегося хищника весьма длительное время.

Известно, что фокстерьеров надо дважды в год выщипывать, чтобы их шерсть не скаталась в комки и не развился дерматит. Некоторые из них, как маленькие дети не засыпают без соски в пасти. Владельцы кошек и собак прекрасно понимают, что настойчивые «просьбы» их питомцев почесать им шерсть (т.е. осуществить гетеро-груминг) продиктованы не тем, что их заели блохи, а чисто эмоциональными потребностями. При этом трудно сказать, от чего они получают большее удовольствие, от щекочущих ощущений (в контексте комфортного поведения), поскольку таковые они могут вызвать у себя и сами, или от доказательства любви и покровительства своего хозяина (в контексте социального поведения).

Поглаживание ребенка по головке, спинке выступает уже как чисто социальный знак, лишенный качеств и очищающего и комфортного поведения. Отсутствие подобных этологически значимых доказательств социального принятия при дефиците тактильного контакта (со стороны эмоционально сдержанных, «второсигнальных» родителей или занятых воспитателей детского учреждения) может стать причиной компенсаторного оживления и усиления ауто-груминга (в частности, в виде кручения и выдергивания волос, ковыряния и царапанья кожи и проч.), превратить последний в патологическую привычку, склонную к последующей психопатологической трансформации.

Формирующиеся в онтогенезе человека индивидуальные формы поведения также непосредственно связаны с филогенетически обусловленными врожденными видоспецифическими автоматизмами. Так, инстинктивной реакцией на опасность и у животных, и у человека является борьба или бегство, а в чрезвычайных ситуациях – беспорядочное метание («двигательная буря»)

или застывание («мнимая смерть»). Кратковременное застывание может быть проявлением так называемого «мозаичного поведения», которое возникает при столкновении противоположно направленных тенденций (например, напасть и убежать). Такая амбивалентность проявляется неопределенностью позы и мимики, включающих как агрессивные, так и субмиссивные паттерны. Застывание в смешанной позе может сменяться переадресованной агрессией или смещенной активностью - замещающим поведением [23,69]. Эти же этологические механизмы обнаруживаются в нормальном поведении взрослого человека, но особенно наглядно они проявляются у детей, а также в случае психической патологии. Так, остолбеневший от страха человек лихорадочно теревит платок или перебирает пальцами, демонстрируя в своем мозаичном поведении сочетание рудиментов «мнимой смерти» и «двигательной бури». Аналогичная амбивалентность характеризует социофобическое поведение ребенка с логоневрозом и элективным мутизмом [70].

Стойкая амбивалентность и амбитендентность, как существенный признак шизофрении, указывают на утрату способности сознательно-произвольно регулировать собственное поведение, что сопровождается регрессом к его инстинктивным механизмам, изобилующим разнонаправленными программами (наброситься-убежать, подчиниться-воспротивиться, отнять-поделиться, вступить в контакт-уклониться, построить-разрушить, украсть-попросить, пометить территорию с помощью граффити или нецензурного слова и т.д.). Слабость коркового тонуса, обусловленная падением энергетического потенциала, проявляется в том, что не происходит ни полной реализации актуализировавшегося инстинктивного побуждения, ни окончательного отторжения противоположно направленного. Смысл нормальной амбивалентности («страшно – интересно») и амбитендентности («напасть – отступить»), вероятно, заключается в том, чтобы активизировать сознание для произвольного выбора направленности поведения (с учетом ситуации и прошлого опыта).

Этологический анализ, даже при отсутствии вербального контакта и попытках диссимуляции, может весьма точно и в качественно-количественной динамике измерять не только тревогу, но и тревожность, не только страх, но и настороженность, не только агрессию, но и агрессивность, не только навязчивость, но и амбивалентность, не только бред, но и подозрительность, не только лживость, но и неискренность, не только подчинение, но и субмиссивность, не только альтруистическую жертвенность, но и социопатическую виктимность и проч.

Филогенетическими детерминантами обуславливаются не только такие классы поведенческих феноменов, как **инстинктивные механизмы** (импринтинг, смещенная активность, переадресованная агрессия, ритуализация, имитация, амбивалентность, регресс), **комплексы активности** (пищевое, половое /сексуальное/, родительское, территориальное, комфортное, очищающее, исследовательское, иерархическое, агонистическое /агрессивное/, миграционное, альтруистическое, кооперативное, игровое и другие типы поведения), **этологические паттерны** (сосание, вылизывание шерсти, грызение ногтей, раскачивания, позы доминирования и подчинения, жестовые, мимические, вокальные составляющие спонтанной невербальной коммуникации и прочие КФД), но также **врожденные способности**.

Новорожденный младенец способен имитировать лицевые двигательные паттерны, такие как открывание рта, высовывание языка и выпячивание губ. Он реагирует на голос матери взглядом на нее, провоцируя у той реакцию доброжелательного поведения. Врожденный характер такой реакции подтверждается тем, что идентичное поведение демонстрируют и дети, родившиеся слепыми. Ребенок в возрасте двух недель демонстрирует ожидание тактильных последствий, следующих за визуальной информацией (он тянется к демонстрируемому образу и «удивляется», если ни к чему не прикасается). Наличие глубинного модуля восприятия, связывающего визуальные переменные с соответствующими тактильными эффектами, подтверждается экспериментально. Если младенцу демонстрируют симметрично расширяющийся силуэт, то он проявляет защитное поведение (отворачивает головку, поднимает ручки) как будто ожидает столкновения с приближающимся объектом (хотя в своей жизни с подобным опытом не сталкивался и, стало быть, не мог этому научиться). На асимметрично расширяющийся силуэт (создающий иллюзию объекта, перемещающегося мимо) защитной реакции не возникает. На базе этой врожденной способности к предвосхищению и вероятностному прогнозированию – сенсорной и сенсомоторной антиципации [39] формируются более высокие уровни антиципации - перцептивный; уровень представлений; речемыслительный (вербально-логический) и коммуникативный (или ситуационно-личностный по В.Д.Менделевичу). Степень несовершенства последнего (в частности, касающегося пространственно-временной

антиципации) коррелирует с риском невротических расстройств и выраженностью патохарактерологического тренда от акцентуации к пограничной аномальной личности и психопатии [6,43,59].

На врожденных способностях основываются: овладение речью, коммуникативной мимикой и пантомимикой, базовыми принципами геометрии и счета (так называемое «количественное чутье») и даже восприятие красоты [31,75].

Эксперименты показали, что бабуины обладают базовыми навыками чтения. Обезьяны оказались способны распознавать среди бессмысленного набора букв осмысленные английские слова. Орфографическое восприятие, способность различать буквы и их последовательность в словах, является базовым навыком, лежащим в основе чтения. Умение перерабатывать орфографическую информацию открывает доступ к звучанию (фонетике) и смыслу (семантике) слов. Французские ученые выяснили, что бабуины могут успешно воспринимать особенности орфографии, несмотря на то, что они, как и другие обезьяны, по своей природе лишены дара речи. Ошибки обезьяны делали чаще всего тогда, когда порядок знаков в бессмысленной комбинации напоминал порядок букв в осмысленных словах. Подобные ошибки делают и люди при аналогичных испытаниях. Эти эксперименты доказывают, что базовые навыки чтения не обязательно связаны с даром речи. Обезьяны могут распознавать последовательность букв, не имея никакого представления об их звучании... Скорее всего, способность различать выстроенные в линию, компактные последовательности повторяющихся знаков, которая свойственна мозгу приматов, и позволила человеку научиться читать и писать [<http://discussiya.com/2009/01/29/neuroeconomics/>]. Характерно, что точно так же китайские дети обучаются «правополушарному» чтению иероглифов [2].

Что касается звучащей речи, то, как считает У.Крэйн [31], существование универсальной грамматики (по Ноаму Хомскому) с наличием универсальной, общечеловеческой матрицы с пробелами, заполняемыми опытом, обеспечивает путь усвоения родной речи на подобии импринтинга, с помощью которого некоторые виды птиц учат песни.

Общечеловеческий характер универсальной грамматики подтверждается не только транскультуральными исследованиями, но и клиническими фактами. В этом смысле весьма иллюстративен следующий пример, поразивший нас своей языковой архетипичностью. Под нашим наблюдением находился ребенок, перенесший в раннем возрасте затяжной приступ шизофрении, сопровождавшийся речевым и поведенческим регрессом в форме атипичного аутизма. С четырех до пяти с половиной лет он лечился лепонексом и рисполептом. С момента становления ремиссии стал заниматься нейропсихологической коррекцией в сочетании с бихевиоральной и семейно-групповой психотерапией. Первое осмысленное слово он произнес во время длительного нахождения в холдинге, после того, как убедился, что вырваться из «железных объятий» психолога не в состоянии – «Застлял». Одна из первых осознанных фраз нашего пациента была: «Что эти тапки для?». Такая фраза не характерна для современного русского языка, который ребенок слышал с рождения, но абсолютно соответствует более древней английской грамматике. Позднее, уже достаточно «разговорившись» на фоне общего психического прогресса этот же пациент как-то произнес следующую «архетипическую» фразу: «Я буду быть капитаном», а позднее – «Рука поскользнулась, не хочу быть скользко». Дальнейшее развитие его речи сопровождалось частым «англоформным» использованием неопределенной формы глагола, например: «Кто мусорить эти бумажки?», «Ты не есть хорошая, я тебя не хочу». Эти же особенности сохраняются и в девять лет, несмотря на успешное окончание первого класса по массовой учебной программе. Имея в виду конкретную школу, как помещение он интуитивно заменяет английский предлог into двумя русскими предлогами: «...когда дети учились **на в** школе». Тогда же он произнес следующую сложно построенную фразу: «Я буду быть сильным, как Саша – это мой мальчик, для которого папа - Володя». Характерны для мальчика следующие фразы: «Я пошутил просто»; «Я не тормозить». Говоря о неодушевленных предметах в

третьем лице, он использует только средний род («оно»), тогда как в отношении людей употребляет и женский и мужской род.

Вероятно, как было отмечено выше, и способность улавливать эмоциональный смысл основных невербальных коммуникативных экспрессий (общих для человека и животных) также носит универсально-врожденный характер. Другое дело, что обнаруживается эта способность параллельно с созреванием органов чувств, а ее сохранение, развитие и совершенствование либо утрата зависят от использования или игнорирования этой способности окружающими.

К примеру, уже в возрасте 14 месяцев дети способны критически анализировать чужое поведение и отличать осмысленные, целенаправленные поступки от случайных или вынужденных [Gergerly at al., 2002, цит по 42], так же, как и обезьяны. В эксперименте взрослый на глазах у детей включал лампочку, нажимая на кнопку головой, хотя мог сделать это руками. Дети копировали это действие: когда им представлялась такая возможность, они тоже нажимали кнопку головой. Можно предположить, что в таком поведении взрослого они усматривали какое-то преимущество. Однако, если в момент нажатия кнопки головой у взрослого были чем-то заняты руки, дети не подражали ему слепо, а нажимали на кнопку рукой, понимая, что его необычное поведение было обусловлено ситуацией, которую они учитывали. Данный эксперимент (равно как и «обезьяний тест», в котором прикосновение пальцами к одному из двух стаканчиков воспринималось как подсказка того, что под ним находится конфета, тогда как прикосновение тыльной стороной ладони воспринималось как случайное) может быть использован для диагностики у детей раннего возраста наличия «теории ума» (theory of mind). Термин используется для обозначения понимания того, что другое существо тоже соображает, что его поступки преследуют определенную цель и обусловлены некими рациональными мотивами (с «глючащим компьютером или глохнущим автомобилем хозяева иногда разговаривают, поскольку, «раз объект непредсказуем, значит, имеет цели и мотивы, а, следовательно, доступен увещаниям»). Подобные «рассуждения» обычно осуществляются на подсознательном уровне).

При протодиакризе, характерном для детей с РДА, окружающим, к которым ребенок относится как к неодушевленным предметам, возможно следует отказаться от предсказуемости собственного поведения, чтобы из «объекта» превратиться в «субъект». Экстравагантность поведения нередко используют педагоги, чтобы привлечь внимание равнодушных учеников к собственной личности, а истерики для того, чтобы показаться душевно многозначительными с минимальными энергетическими затратами. Способность понимать мотивы чужих поступков относится к социальному интеллекту и развилась в связи с общественным образом жизни, обеспечивая самосохранение в коллективе высокоразвитых соплеменников.

Есть данные о врожденной способности к восприятию красоты, основа которой базируется на ритме и симметрии (как застывшем ритме). В своем эксперименте Слейтер сначала показал группе взрослых участников подборку женских фотографий и попросил оценить привлекательность лиц на картинах по 5-балльной шкале. Затем исследователи разбили фотографии попарно, так чтобы снимки в каждой паре были максимально схожи по всем параметрам (например, яркость, контраст и т.д.), но лица женщин относились бы к противоположным краям шкалы привлекательности. И эти пары показывали новорожденным в возрасте от одного до семи дней от роду, фиксируя направление взгляда крохи. И что же? Почти все младенцы куда больше времени уделяли разглядыванию привлекательного лица!

Многие моторные паттерны, отсутствующие при рождении, также являются не следствием обучения, а результатом «созревания» в онтогенезе. Так, основные выражения лица у слепоглухонемых с рождения, такие как улыбка, смех, крик, гнев, нахмуривание, сжатие зубов наличествуют и проявляются в тех же самых базовых ситуациях, что и у детей с сохранным слухом и зрением. Они так же реагируют страхом на незнакомца, которого отличают от знакомых по запаху. Врожденными являются и более сложные поведенческие паттерны. Слепой мальчик закрывает свое лицо руками при смущении, а слепая молоденькая девушка в ответ на комплимент краснеет, опускает голову и отворачивается, что чередуется с паттернами приближения – поворотом к говорящему, «взгляд» в его направлении и улыбкой [75].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что этологический анализ поведения и способностей, в том числе младенцев и детей раннего возраста способен существенно расширить возможности педопсихиатрии и психодиагностики в целом.

Многие, казалось бы, чисто человеческие формы поведения представляют собой лишь культурально трансформированные инстинктивные модели. Таковы увлечения путешествиями, охотой и рыбной ловлей,

коллекционирование, донжуанство, кокетство, участие в объединениях фанатов и подростковых бандах, занятия силовыми единоборствами, групповыми и экстремальными видами спорта, «кипучая» общественная деятельность и т.д.

Взаимоотношения во многих «женских коллективах» напоминают поведение самок в семействе горилл, соперничающих за место в сердце вожака (начальника). Различные этнокультуральные варианты института брака и формы сексуальной активности мужчин и женщин имеют свои филогенетические прообразы. Сохранение их многообразия имеет эволютивный смысл на уровне человеческого вида, что может вступать в противоречие с морально-юридической оценкой поведения конкретного человека, а его самоосуждение способно трансформировать такое противоречие в невротический конфликт. Кстати, как показали последние исследования, по мере повышения социального статуса женщин, их скрытая полигамность становится все более явной и открытой [10]. Исторический пример – Екатерина Вторая.

Культурной трансформации подверглись и представленные в любом традиционном обществе обряды инициации (см. соответствующую главу книги).

Помимо врожденных комплексов активности (составляющих своего рода наследственный репертуар **тактики** поведения) в социобиологии выделяются филогенетически отработанные и фиксированные в популяции **эволюционно стабильные стратегии поведения** (ЭССП). Под эволюционно-стабильными стратегиями понимают такие стратегии поведения, которые в процессе селективного давления и модификаций несут наибольшие адаптивные преимущества для вида и индивида [Maynard Smith, J., 1976, цит. по 16].

Эволюционно-стабильные стратегии (ЭССП) включают следующую наследуемую человеком социально-адаптационную иерархию: **кооперацию; альтруизм; агрессию и эгоистическое поведение**. Их баланс в популяции обеспечивает поддержание стабильности групп. *Кооперативная* поддержка членов группы построена на принципе эквивалентного обмена, *агрессивная* стратегия связана с насилием в стремлении овладеть источником удовлетворения, *альтруизм* - проявляется отказом от желаемого ради «своего» (реципрокный альтруизм) или постороннего, *эгоистическая* стратегия рассчитана на получения благ в основном путем обмана или в расчете на альтруизм окружающих. **При любой патологии**, в том числе и в результате развития зависимости, **происходит фиксация на какой-либо одной стратегии**, но **отсутствует гибкая динамика стратегий** [53].

Первоначально стратегии теоретически исследованы на примере модели хищник-жертва, но затем выяснилось, что границы такой модели должны быть расширены в связи с

применением ее к человеку. В частности, система воспитания и поддержки, исходящая от близких и дальних родственников при сепарации, болезни и отвержении ребенка, совокупная приспособленность, исчисляемая из вклада в поддержание уровня жизни индивидуума родственниками, альтруизм как родственный (реципрокный), так и истинный дополняют стратегии социальных отношений при утратах, способствуют стабилизации или напротив - деструкции социального поведения.

Сравнительная психология обнаруживает в поведении животных прообразы ЭССП, фиксированных в человеческой популяции в виде четырёх психологических типов человека: «вожаческого», «стадного», «социального» и «типа с пониженными общественными инстинктами» [Вагнер В.А., 1925, цит. по 16]. Этим психотипам свойственны стереотипы поведения, в общих чертах соответствующие: агонистической, кооперативной, альтруистической и эгоистической ЭССП.

Из наблюдений этологов известно, что если шимпанзе во время территориальных споров чаще всего убивают сородичей, то бонобо («сделавшие три шага к миру») на границах своей территории занимаются сексом [13]. Возможно, кооперативная и агонистическая ЭССП восходят к нашим общим предкам с бонобо и шимпанзе, тогда как две другие отражают бинарную детско-родительскую (эгоистически-альтруистическую) оппозицию человеческого онтогенеза.

На данный момент наиболее вероятным представляется вариант, по которому шимпанзе и бонобо нам равно близки, поскольку их ветви развития разделились много позже того момента, когда от их общего предка отделился человек. Согласно общепринятой оценке, ДНК у нас с ними общая на 98,8 %, хотя другие расчеты дают для этого показателя «всего лишь» 95 %. Недавняя публикация генома бонобо подтверждает, что у человека есть общие с бонобо гены, которые отсутствуют у шимпанзе, – и наоборот, есть общие с шимпанзе гены, которых у бонобо нет. Наш вид мозаично схож и с теми, и с другими высшими приматами или, как говорит Франс де Вааль [13], человек – «биполярная обезьяна». В хороший день мы можем быть милы и ласковы не хуже бонобо, а в дурной – не уступим шимпанзе по деспотичности и жестокости.

Стратегия может фиксироваться уже в раннем возрасте во внутрисемейных отношениях. В нормальном онтогенезе динамика стратегий носит обратный (по отношению к указанной выше иерархии) характер, то есть созревает от эгоистического поведения, через агрессивное и альтруистическое, к кооперативному. Количественно стратегии оценивают по времени уделяемому социальному поведению и по его особенностям.

В человеческом сообществе применение правильно избранной ЭССП является наиболее адекватным способом поведенческой адаптации, обеспечивающим биологический, социальный и психологический успех индивида. Это означает, что любое изменение экологической ситуации в норме – при достаточном уровне пластичности адаптационных механизмов – должно сопровождаться соответствующей сменой ЭССП, репертуар которых весьма ограничен и имеет четвертичную структуру, представленную двумя бинарно-оппозиционными парами: «агональность-кооперация» и «эгоизм-альтруизм» [54].

В каждой из этих основных социальных стратегий поведения, на наш взгляд, по-своему сочетаются и реализуются интегративные общебиологические инстинкты: самосохранения; сохранения рода; сохранения вида; сохранения мира (экологического инстинкта). При этом ни одна из них не может оцениваться с позиций «лучше – хуже» или «более человеческая – менее человеческая», поскольку все они прошли эволюционный отбор и все зафиксированы в генетическом багаже человека.

Предполагается, что существует два типа адаптивных вариаций поведения. Первый тип характеризуется тем, что индивидуум реализует «чистую» ЭССП, независимо от изменений условий среды. Такая **«чистая», безальтернативная стратегия обычно детерминирована генетически**, в т.ч. в рамках психического расстройства, отражая патологическую ригидность [52]. При втором типе индивидуум меняет разновидности «чистой» стратегии **в зависимости от реальной природной среды и социального окружения**. В норме чаще встречаются смешанные ЭССП.

Имеет место частотно-зависимый «балансирующий» отбор. Чем больше кругом доверчивых альтруистов, тем выгоднее быть «недоверчивым», паразитируя на чужой доброте. Но если паразитов становится много, их стратегия оказывается не столь выгодной, да и общество воспринимает их как реальную угрозу и вырабатывает меры для обуздания эгоизма. Несовпадение индивидуальных и общественных интересов может привести к вымиранию сначала кооператоров, а затем и всей популяции. Биологическая эволюция человеческого вида еще не закончена. В разных природных, социальных и экономических условиях естественный отбор благоприятствует то доверчивым кооператорам, то недоверчивым эгоистам, и переменчивость этих условий способствует сохранению полиморфизма, что на уровне конкретного человека проявляется способностью гибко менять ЭССП [16].

С помощью математического моделирования израильские ученые показали, что устойчивость популяции может быть радикально повышена, если особи будут вести себя кооперативно при низкой плотности населения и эгоистично — при высокой. В этом смысле фраза булгаковского персонажа: «Люди как люди, квартирный вопрос их испортил», четко отражает указанную закономерность. Не исключено, что многие животные в природе придерживаются именно такой стратегии. Интересным побочным эффектом плотностно-зависимой кооперации является то, что она позволяет нескольким видам сосуществовать в одной и той же экологической нише вопреки принципу конкурентного исключения.

Источником позитивного опыта социального поведения и развития подвижности ЭССП могут быть «жизненные сценарии» в контексте бихевиорально-когнитивной психотерапии [5]. Как сказал Никколо Макиавелли: «Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость».

Три закона генетики поведения Эрика Туркхеймера [Turkheimer, 2000; цит. по 41] гласят:

1. Все поведенческие признаки людей наследственные, т.е. в какой-то мере зависят от генов.
2. Эффект генов сильнее, чем эффект воспитания в одной семье.
3. Значительная часть варибельности людей по сложным поведенческим признакам не объясняется ни генами, ни воспитанием в семье. И это вселяет надежду на то, что по мере оздоровления и гармонизации общества в целом, его мемы будут способствовать позитивной культурализации эволюции человека. Как сказал Сенека: «Что толку в напрасных законах, если нет нравственности».

В исследованиях О.А.Гильburда [16] было установлено, что формообразующая этологическая семиотика шизофрении в искажённо-утрированной, гиперритуализованной форме демонстрирует четыре различных модели поведения в человеческой популяции, в норме реализуемые в тех или

иных конкретных средовых условиях: 1) ранговая конкуренция (агонистическая ЭССП); 2) группирование и партнёрство (кооперативная ЭССП); 3) самосохранение (эгоистическая ЭССП); 4) жертвенная креативность (альтруистическая ЭССП). Указанная тенденция, по мнению автора, обусловлена увеличением клинико-этологического полиморфизма, т.е. разнообразия признаков, связанного с эволюцией шизофрении от более архаичных непараноидных форм к более новой параноидной форме [51].

Сравнительный социобиологический анализ показал, что клинико-этологическая семиотика основных форм шизофрении транслируется в знаково-смысловой дискурс основных ЭССП человека по следующим направлениям:

- кататоническая шизофрения → агонистическая ЭССП,
- гебефреническая шизофрения → кооперативная ЭССП,
- простая шизофрения → эгоистическая ЭССП,
- параноидная шизофрения → альтруистическая ЭССП.

Полученные данные имеют принципиальное значение как для решения вопроса о нозологическом единстве шизофренических психозов, так и для формулирования обновлённой реабилитационной парадигмы в шизофренологии [16].

Взаимодействие больного и врача, отношение пациента к болезни могут быть формализованы посредством той или иной ЭССП [51].

Под **агонистическим поведением** понимается любое поведение, связанное с конфликтами [51]. Оно может проявляться в прямой агрессии в отношении источника фрустрации, агрессии переадресованной на другие живые или неживые объекты, либо на самого себя. В последнем случае говорят об аутоагрессии, к которой относится и собственно суицидальное поведение. В межперсональных взаимоотношениях коэффициент полезного действия данного типа ЭСС, как правило, невысок, поскольку энергозатраты на его реализацию велики, а наиболее вероятный итог агонистической акции – взаимная деструкция конфликтующих сторон. В этом смысле истина «Худой мир лучше хорошей войны» эволютивно универсальна. В то же время в ситуации оборонительного императива (защита территории, жизни, детей и т.п.) агонистическое поведение может оказаться облигатным.

Противоположное описанному **кооперативное поведение** связано с отказом от конфликта в пользу встречным уступкам, компромиссам и направлено на объединение усилий к достижению целей с наименьшими потерями и взаимным накоплением жизненных преимуществ в реальных экологических условиях. В человеческом сообществе кооперативное поведение под лозунгом «Кто не с нами, тот против нас» может парадоксальным образом включать агрессию и аутоагрессию (в частности, в среде подростков в виде ритуальной драки с «новичком» перед посвящением его в уличную банду

или демонстративно-ритуального скрепления договора кровью). В широком смысле потенциально губительным (аутоагрессивным) ритуалом при осуществлении данного типа ЭСС является распитие спиртного в ознаменование успешной совместной акции.

Альтруистическое поведение связано с односторонней утратой индивидом или частью сообщества ограниченного набора либо всего спектра жизненных преимуществ (жизни в целом) ради повышения общей приспособленности всего сообщества. Жертвенность данного типа ЭССП имеет эволюционно-биологический смысл социального сигнала ценой собственного здоровья и даже жизни (суицидальное и парасуицидальное и аутодеструктивное поведение) о том, что данная экологическая или социальная обстановка опасна для жизни. Императив «сам погибай, а товарища выручай» имеет, таким образом, филогенетические корни (а, стало быть, способен реализовываться неосознанно) и, в то же время он может иметь отношение не к одному человеку, а ко всему обществу (в котором «человек человеку друг, товарищ и брат», этносу, а также к человечеству в целом, то есть существовать в пространстве обобщенного инстинкта сохранения вида, и, вероятно, сохранения мира. Последнее предположение подтверждается примерами поведения представителей движения «зеленых», рискующих здоровьем и жизнью в борьбе с нарушителями экологии.

И человеческий, и животный альтруизм, прототипом которого является материнская забота, объединяет отсутствие каких бы то ни было далеко идущих мотивов. Более того, с помощью нейровизуализации установлено, что когда нормальный человек помогает другим, в его мозгу активируются зоны, связанные с наградой, т.е. альтруизм может сделать человека счастливым. Это объясняет, что для человека характерна «эмоциональная склонность к сотрудничеству, преодолеть которую можно только при помощи сознательного когнитивного усилия». Отсутствие первичного порыва – довериться и помочь и вторичный, «лакировочный» характер альтруизма присущ психопатам [13]. Это позволяет говорить о генетическом и/или экзогенно-органическом несовершенстве их мозга.

С позиций генно-культурной коэволюции сформулирована гипотеза о том, что повышенная суицидальная активность русских (в том числе в виде алкогольного «хронического суицида») есть частное проявление общей этноспецифической стратегии поведения, стержнем которого является бессознательный ритуализированный альтруизм. Сутью понятия «социобиологии России» является постулируемая эксклюзивная глобально-альтруистическая функция русского этноса, реализуемая по отношению к остальной части человеческой популяции на протяжении всей истории и необходимая для успешной эволюции человеческого вида. Это гарантирует неизбывное, хотя и качественно худшее («хронически жертвенное»), существование России, поскольку альтруистическая функция этноспецифична для русских [16]. Для практической психиатрии указанное обстоятельство имеет значение при реабилитации пациентов с аутоагрессивным и аддиктивным поведением.

Полярное альтруистическому **эгоистическое поведение** связано с односторонним накоплением жизненных преимуществ («Своя рубаха ближе к телу») и направлено на максимальное повышение уровня собственной приспособленности для выживания. Реализация стратегии выживания не допускает с точки зрения социобиолога возможности «эгоистического самоубийства» - понятия, фигурируемого в когнитивном арсенале социальных психологов и православно-христианских философов, что также следует учитывать при реадaptации пациентов с аутоагрессивным поведением.

Концепция эволюционно стабильных стратегий поведения находит свое практическое применение в когнитивно-бихевиоральной психотерапии («социобиологической реадaptации» по О.А.Гильбурду) суицидентов и лиц с потенциально губительным поведением в форме алкогольной, наркотической или токсикоманической зависимости.

Ключевым моментом работы с данной категорией больных является их ознакомление с содержанием ЭСС и их проявлениями в быту, после чего их аутодеструктивное поведение

твердо и однозначно квалифицируется как типичный пример АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ стратегии. (В социобиологической интерпретации переадресованная на себя агрессия, как стигмат агонистического поведения, диалектически трансформируется и выступает в качестве типично альтруистического поведения, поскольку лишает человека части либо всего набора жизненных преимуществ ради неосознаваемой или искаженно понимаемой чьей-то выгоды). В ходе конкретного анализа сложившейся ситуации пациентам демонстрируется ущербный характер их альтруизма, поскольку в результате их добровольной жертвы не только у них самих, но ни у кого из окружающих (по крайней мере, близких и небезразличных им людей), не происходит роста уровня приспособленности, повышения «качества жизни». В отличие от истинной альтруистической акции Иисуса Христа, сознательно пожертвовавшего своей жизнью ради очищения всего человечества от греха и приобретения людьми возможности вечного благоденствия в Царстве Божьем, самогубительное поведение пациентов «никому не делает лучше», а значит, социобиологический смысл суицида или аддикции теряется. Внешне альтруистический поступок не стал таковым по единственной причине – выбранный способ поведения оказался неадекватным конкретным экологическим (ситуационным) стимулам (релизерам), что грубо нарушает естественные законы природы.

Дальнейший анализ призван подвести пациентов к самостоятельному выбору наиболее верной в сложившихся обстоятельствах ЭСС (агонистической, кооперативной или эгоистической) и форм ее конкретной бихевиоральной реализации [16].

Вероятно, этот же подход может быть использован в работе с жертвами кризисных ситуаций, в частности - страдающими посттравматическими стрессовыми расстройствами.

Обращение к этологически ориентированной психотерапии оправдано тем, что в естественных условиях сознательный интеллект не противоречит инстинкту, а сотрудничает с ним. Более того, в самих инстинктивных программах заложены совершенствование действий животных путем самообучения на основе проб и ошибок, комбинирование разных приемов, запоминание, а также приказ учиться подражанием (родителям, более опытным особям своего вида, другим видам). Дрессировщики, опираясь на видовые врожденные программы и используя возможности животного комбинировать, учиться, подражать, запоминать, добиваются от них сенсационных успехов [23]. Это делает бихевиоральный подход естественным лечебно-коррекционным и обучающе-воспитательным методом [5,48].

Если же обучающие воздействия входят в конфликт с инстинктами животных, то последние берут верх над приобретенными поведенческими реакциями. Об этом следует помнить при психологическом анализе отклоняющегося, в том числе патологического поведения и попытках его моделирования, особенно в работе с детьми.

В свое время З.Фрейд высказал точку зрения о том, одна из самых тяжелых и обреченных на поражение битв человека есть битва с собственной природой. Так не лучше ли постараться познать эту «природу», т.е. свое *природно-психическое* начало, чтобы на уровне *индивидуально-психического* найти компромисс между ним и *социально-психическим*, порожденным рационализирующей идеологией, стремящейся к гипотетическому «раю на земле», но создающейся теми же представителями *homo sapiens*, имеющими помимо духа и души еще и «тело брренное» с его биологическими функциями и

звериными инстинктами. Поскольку нет у нас другого тела (другой «природы») логичнее не бороться с ней (имея обозначенную выше перспективу), а включить законы человеческой природы в программы совершенствования собственного вида [23]. Тем более, что как считает Франс де Вааль [13] намеки на заботу об общественных интересах, демонстрируемых шимпанзе (мозг которых в три раза меньше и менее пластичен, но содержит все элементы, присущие человеческому) служат знаком того, что строительные кирпичики нравственности старше человечества.

Понимание этологических механизмов психопатологических расстройств помогает проникнуть в смысл соответствующего поведения пациентов с психогенными формами психических нарушений, понять причины формирования той или иной внутренней картины болезни и ее динамики как при этих, так и при других формах заболеваний (первично-дизонтогенетических, энцефалопатических, эндогенных). Это, в свою очередь, позволяет более дифференцированно подходить к психотерапии данных пациентов. Кроме того, клинико-этологический подход к пониманию патогенетических механизмов психических расстройств может оказаться тем «общим полем», на котором возможно не только примирение, сосуществование, но и неэклетическая интеграция таких ортодоксально полярных парадигм, как психоаналитическая и бихевиоральная психотерапия [74,80,81].

Более того, данные этологии и социобиологии способны обогатить когнитивный аппарат психоанализа за счет естественнонаучного содержания и вернуть в лексикон традиционной психопатологии такое понятие, как «инстинкт» [8]. Для специалистов, работающих в самых различных психотерапевтических парадигмах весьма полезны сведения о том, что извечная конкуренция между полами, разрушившая столько судеб и принесящая людям столько душевных страданий предопределена эволюционно и закреплена генетически. И это проявляется в принципиальном различии мужских и женских репродуктивных стратегий. То же самое относится к различным стилям поведения свекрови и тещи, особой любви бабушек к детям своей дочери, родительскому фаворитизму в отношении старшего ребенка и традиционному обожанию всей семьей позднего ребенка. Антропология пола раскрывает биологические истоки неизбывной (несмотря на явную нереалистичность) мечты юных девушек о «принце» (молодом, красивом и богатом), нередко сменяющихся (реализующим филогенетически закрепленное право выбора) метанием между «мачо» и «папиком». Последнее, благодаря роману Ж.Амаду, можно обозначить как синдром «донны Флоры». Она же объясняет сохраняющуюся в большинстве современных обществ тенденцию к полигамности (в частности в форме сериальной

моногамии), несмотря на все усилия культурной эволюции укрепить институт брака. А также уточняет, что «любовь с первого взгляда» - это и любовь с первого «нюха», устанавливающего по обонянию феромонов гормональный статус партнера и его соответствие собственному. Эволюционно-биологический подход дает понимание того, как некоторые культурные традиции и идеологические инновации (например, оголтелый феминизм, порождающий страх «возвращения матриархата») тормозят естественную трансформацию мужского и женского поведения в сторону эгалитарности [10]. Учет инстинктивно-гормонально-церебральной природы бессознательной детерминации индивидуального, репродуктивного и социального поведения – перспективное направление развития современной психотерапии.

Вполне возможно, что этология и социобиология со временем лягут в основу отдельного направления интегративной психотерапии, нацеленной на когнитивно-бихевиоральную и суггестивно-аналитическую коррекцию примативности.

Резюмируя вышеизложенное, следует напомнить основные положения биологических основ поведения человека [23].

- Человек, как и все животные, имеет множество врожденных программ поведения (мы рождаемся с некоторыми «филогенетическими» знаниями об окружающем мире и правилами поведения в нем) и в нужный момент они срабатывают.
- Эти программы создавались в далекие времена и в совсем иной среде, мало похожей на ту, в которой мы теперь живем. Поэтому реализуемое нами поведение не всегда адекватно обстановке, рационально и даже желательно (не все, что естественно – хорошо и «не стыдно» для современного общества).
- В силу изначальной запрограммированности, люди не абсолютно свободны в своем поведении, один сценарий они осуществляют легко, другой – с трудностями, а некоторые сценарии могут быть вообще невыполнимыми (не все придуманные разумом планы осуществимы в силу их противоречия нашей биологической природе).
- Для большинства ситуаций мы имеем достаточный набор альтернативных программ, на основе которых можно построить несколько вариантов поведения. Инстинктивному модулю «укради» антагонистичен модуль «накажи вора», инстинкту «обмани» противопоставлен инстинкт «дорожи своей репутацией честного человека», хотя они и не исключают друг друга полностью и достаточно заурядна ситуация, когда человек ворует и одновременно борется с

воровством других. «Воры в законе» чтут «воровской закон» (выбор быть вором или честным определяется не природой, дающей предпосылки и к тому и к другому, а самим человеком в его социально-личностной сущности).

- Наш мозг так устроен, что его отвечающая за сознание часть не только не может ознакомиться с содержанием врожденных программ, но даже не знает об их существовании. Поэтому, когда программа начинает реализовываться, сознание ее обслуживает, не замечая этого. Оно ищет и находит какие-то свои объяснения поведения и его мотивов, совсем не обязательно верные (нельзя безусловно доверяться собственной рефлексии, т.е. анализу на основе субъективных ощущений и идей, и менталитету – бытующему представлению о происходящем, потому что они дают иногда путанную, тенденциозную и алогичную картину).

К этому можно добавить, что для **понимающей психопатологии** важно учитывать, что сами указанные выше моменты уже содержат в себе зачатки психологических конфликтов, не всегда решаемых на здоровом уровне. С другой стороны, решение этих конфликтов еще более затруднено в случаях, когда они перерабатываются изначально неполноценным мозгом, либо, когда рационально создаваемые человеком условия его жизни (как физической, так и духовной) идут вразрез с уровнем его биологической эволюции и тем самым нарушают «экологию души».

Информационное эволюционирование современного человека намного опережает природные процессы биологической изменчивости и отбора. В собственном природно-психическом багаже человек сохранил филогенетическое наследие своих биологических предшественников, что с одной стороны порождает постоянные столкновения биологического и социального в его поведении, а с другой – предоставляет богатые возможности для изучения и понимания самого

себя на основе этологического подхода. Поэтому с гордостью дважды называя себя *sapiens*, не стоит забывать, что изначально мы все же *homo*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Психосоматические расстройства и патологически привычные действия у детей и подростков. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 1999. – 304 с.
2. Амодт С., Вонг С. Тайны мозга вашего ребенка. /Пер. с англ.- М.: Эксмо, 2013.- 480 с.
3. Антропология: Хрестоматия: Учеб. Пособие для студ./Авт.-сост. Л.Б.Рыбалов, Т.Б.Россолимо, И.А.Москвина-Тарханова.- 5-е изд.-М.:Изд.МППИ, Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007.- 448 с.
4. Бехтерев В.М. Инстинктивные рефлексy. В кн.: Объективная психология. М., «Наука», 1991.- с. 164-189.
5. Бихевиорально-когнитивная психотерапия детей и подростков /Под общей ред. проф. Ю.С.Шевченко.- СПб.: Речь, 2003.- 552 с.
6. Боев И.В. Пограничная аномальная личность.- Ставрополь, изд-во СГУ, 1999.- 362 с.
7. Бутовская М.Л., Файнбеог Л.А. У истоков человеческого общества. М.: Наука,1993.- 256 с.
8. Бутовская М.А. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования. В кн.: Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы.- М.: «Старый Сад», 1999.- с.12-71.
9. Бутовская М.Л. Язык тела. Природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004.- 440 с.
10. Бутовская М.А. Антропология пола. Фрязино: Век 2. 2013.- 256 с.
11. Бухановская О.А. Томографические картины мозга у серийных сексуальных преступников. XIII Съезд психиатров России. Приложение к журналу «Социальная и клиническая психиатрия», М.: 2000.- с. 324.
12. Бухановский А.О. Болезнь зависимого поведения: право на нозологическую самостоятельность. Там же.- с. 324-325.
13. Вааль Франс де. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов./Пер. с англ. М.: Изд-во «Альпина нон-дикшн», 2014.- 156 с.
14. Вербенко Н.В. Вербально-невербальные трансляции психопатологических переживаний при шизофрении. Автореф. дисс... канд. мед. наук. Харьков; 1995.- 18 с.
15. Гарбузов В.И. Инстинкты и судьба человека. 1993, М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006.- 477 с.
16. Гильбурд О.А. Избранные очерки эволюционной психиатрии. – Сургут: ОАО «Сургутнефтегаз», РИИЦ «Нефть Приобья»; 2000.- 180 с.
17. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных, СПб.: Питер, 2001.- 384 с.
18. Дерягина М.А., Бутовская М.Л. Переходы между различными формами поведения как фактор антропогенеза. // Поведение, адаптация и эволюция.-Прага, 1986.- с.81-86.
19. Дерягина М.А. Манипулятивная активность приматов.- М.: МГУ, 1986- 109 с.
20. Дерягина М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты. Учебное пособие, 2-е изд., М.: Изд-во УРАО, 2003.- 208 с
21. Докинз Р. Эгоистичный ген. Пер с англ. - М., АСТ: CORPUS , 2013.-512 С.
22. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена. Пер с англ.- М.: Астрель: CORPUS, 2013.- 512 с.

23. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. Изд. 4-е.- СПб.: ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004.- 352 с.
24. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т.1.- М.: Альпина нон-фикшн, 2014.- 428 с.
25. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т.2.- М.: Альпина нон-фикшн, 2014.- 374 с.
26. Зорина З.А., Полетаева И.И., Резникова Ж.И. Основы этологии и генетики поведения. Учебник, 2-е изд.- М.: Изд-во МГУ: Изд-во «Высшая школа», 2002.- 383 с.
27. Ковалев В.В. Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. –М.: 1985. – 288 с.
28. Корнеева В.А. Сенсомоторная коррекция при нарушениях психического развития у детей младшего школьного возраста. В кн.: Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. «Лечение детей с психосоматическими расстройствами». – СПб.: Речь, 2002. – с. 463-483.
29. Корнеева В.А., Шевченко Ю.С. Нейропсихологическая коррекция пограничных состояний у детей и подростков (теория и практика). М., ИД «ТАКТ», 2010.-154 с.
30. Корнеева В.А., Шевченко Ю.С. Холдинг как этологически ориентированная психотерапия. Новые технологии в клинической психологии и психотерапии (24 апреля 2015 г.): Сборник материалов Республиканского научно-практического семинара с международным участием, посвященного 20-летию кафедры медицинской психологии и психотерапии УО «ГрГМУ» [Электронный ресурс]– Гродно: ГрГМУ, 2015.
31. Крэйн У. Теории развития. Секреты формирования личности 5-е международное издание.- СПб.: прайм ЕВРОЗНАК. 2002.- 512 с.
32. Корнетов А.Н., Самохвалов В.П., Коробов А.А., Корнетов Н.А. Этология в психиатрии. – Киев, Здоров'я, 1990. – 215 с.
33. Коробов А.А. Клинико-этологический метод диагностики психических заболеваний. Автореф. дисс... докт. мед. наук, М., 1991.- 25 с.
34. Крушинский Л.В. Эволюционно-генетические аспекты поведения: Избранные труды.- М.: Наука, 1991.- 259 с.
35. Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях.- 2-е изд-е в 2 т.- М.: МПСИ; Воронеж, МОРДЭК, 2011.- т.1.- 592 с..
36. Лафицкая Н.В. Феномен агрессии у вида Homo sapiens. Попытки и казни,- Спб., 2006.- 224 с.
37. Левковская О.Б., Шевченко Ю.С. Несуицидальное самоповреждающее поведение в подростковой среде: современные объяснительные подходы. //Вопросы психического здоровья детей и подростков. № 2, М., 2014. – С. 124-132.
38. Леонгард К. Систематика эндогенных психозов и их дифференцированная этиология /К.Леонгард; под ред. Г.Бекмана; пер. с нем, под ред. А.С.Тиганова. - М.: Практическая медицина, 2010.- 456 с.
39. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. Ин-т психологии РАН. М., 1980.- 280 с.
40. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем.- М.: Изд-я группа «Прогресс», «Универс», 1994.- 272 с.
41. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн.1:Обезьяны, кости и гены.- М.: Астрель: CORPUS, 2011.- 464 с.
42. Марков А. Эволюция человека. В 2-х кн. Кн.2: Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель: CORPUS, 2011.- 512 с.

43. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. Неврология и психосоматическая медицина.- М.: МЕДпресс-информ, 2002,- 608 с.
44. Моррис Д. Голая обезьяна /пер с англ./- СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2004.- 269 с.
45. Моррис Д. Людской зверинец /пер. с англ./ - СПб.: Амфора.ТИД Амфора, 2004.- 287 с.
46. Макушкин Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием.- М.: ООО «Медицинское информационное агенство», 2009.- 240 с.
47. Микиртумов Б.Е., Кошавцев А.Г., Гречаный С.В. Клиническая психология раннего детского возраста.- СПб.: Питер, 2001.- 256 с.
48. Прайор Карен. Не рычите на собаку! О дрессировке животных и людей. Изд-во «Селена» + «Москва», 1995.- 59 с.
49. Протопопов А.И., Вязовский А.В. Инстинкты человека: (попытка описания и классификации) – Якутск: Компания «Дани АлмаС», 2011.- 144 с.
50. Резникова Ж.И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии: Учебное пособие для вузов.- М.: ИКЦ «Академкнига», 2005.- 518 с.
51. Самохвалов В.П. История души и эволюция помешательства.- Сургут: Северный дом, 1995.- 420 с.
52. Самохвалов В.П. Этология человека: некоторые последствия объективных исследований поведения для медицины и антропологии. Таврический журнал Психиатрии, Т.1, №2, 1997.- с. 50-80.
53. Самохвалов В.П., Самохвалова О.Е. Этологические и нейробиологические аспекты аддиктологии. В кн .: Руководство по аддиктологии / Под ред. В.Д.Менделевича. СПб.:Речь, 2007.- с.127-139.
54. Самохвалов В.П., Гильбурд О.А., Егоров В.И. Социобиология в психиатрии. - М.: Изд-й дом Видар-М, 2011.- 336 с.
55. Свааб Д. Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера / Пер. с нидерл.- СПб. Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.- 544 с.
56. Симонов П.В. Информационная теория эмоций. В кн.: Психология эмоций. Тексты /Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.В.Гиппенрейтер.- М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984.- с.178-185
57. Тинберген Н. Социальное поведение животных.: Пер. с англ.- М.: Мир, 1993.- 152с.
58. Триверс Р. Обмани себя. Как самообман помогает нам выжить. /пер. с англ. СПб.: Питер, 2012.- 432 с.
59. Узелевская А.Э. Взаимосвязь прогностической (антиципационной) компетентности с клиническими формами, выраженностью и степенью компенсации личностных расстройств. Автореф. дисс. канд. мед. наук. Казань, 2002.- 25 с.
60. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Психология», «Биология», Зоология» и «Физиология». 3-е изд. М.: УМК «Психология», 2004.- 464 с.
61. Фридман Э.П. Поразительное сходство: Занимательная приматология. М., 1985
62. Фрис К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир /пер с англ. . М: Астрель: CORPUS, 2011.- 335 С.
63. Хайретдинов О.З. Клинико-этологическая дифференциация аутистических расстройств в детском возрасте. Автореф. Дисс. Канд. мед наук. – СПб, 2015.- 24 с.
64. Хренников О.В. Типология и структура невербальных проявлений агрессивного поведения в различных этнических группах. //Таврический журнал психиатрии.v.1, № 3,1997.- с. 96-104.

65. Шевченко Ю.С. Биологические предпосылки искусства как основа арттерапии и артпедагогика. Клиническая психотерапия. Приложение к "Независимому психиатрическому журналу" М.: Изд-во НПА России, 2000.- с.52-57.
66. Шевченко Ю.С., Бобылева Г.И., Морозова Е.И. Динамика затяжной реактивной депрессии у детей раннего возраста. В кн.: Мамцева В.Н. Детская и подростковая психиатрия / Под ред. Ю.С.Шевченко.- Учебное пособие.- М.: Медицина, 2003.- с. 393-400.
67. Шевченко Ю.С., Дерягина М.А., Астахова О.А. Клинико-этологические взгляды на механизмы функционального энкопреза и его психотерапию. Амбулаторная и больничная психотерапия и медицинская психология. Вып. 2. М., 2004.- с. 39-47.
68. Шевченко Ю.С., Добридень В.П. Радостное взросление: развитие личности ребенка (Методика ИНТЭКС). - СПб.: Речь, 2004.- 202 с.
69. Шевченко Ю.С. Валентович Н.С. Этологический подход в понимании и лечении агрессии. Российский психиатрический журнал №3, 1999. – с.50-56.
70. Шевченко Ю.С. Кириллина Н.К., Добридень И.В., Бойко Ю.П. Избирательная немота – элективный мутизм (клиника, диагностика, терапия, психологическая коррекция). М.: Иноктаво, 2005.- 304 с.
71. Шевченко Ю.С. Инстинкт – привычка – влечение: патологические привычные действия как формы аддикции. Руководство по аддиктологии / Под ред. Проф. В.Д.Менделевича. СПб.: Речь, 2007.- с. 547- 570.
72. Шевченко Ю.С. Патопсихологические механизмы запойного реформаторства. Актуальные вопросы и достижения современной антропологии. Ч.2.: сборник материалов III Международной конференции, 30 сент.-1 октября 2010 г. /под ред. Н.Д. Вавилина. - Горно-Алтайск: Изд-во Сибпринт, 2010. - с. 121-124.
73. Шевченко Ю.С., Северный А.А. Концепция многоуровневой терапии как идеология межпрофессионального взаимодействия. Журнал невропатологии и психиатрии им.С.С.Корсакова Т.113. Вып 2, 5, 2013.-с. 29-34
74. Шевченко Ю.С. Этологические механизмы психопатологических расстройств. //Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов /Под ред. Ю.С. Шевченко. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. - с. 579-622.
75. Эйбл-Эйбесфельд И. Биологические основы эстетики. //Красота и мозг. М.,1995.- с.30-70.
76. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь.- СПб.: Питер, 2010.- 304 с.
77. www.ethology.ru
78. Eibl-Eibesfeldt I. Human Ethology, N.-Y.: Aldane de Gruyter, 1989.- 1012 p.
79. Eibl-Eibesfeldt I. Ethological concepts and their implication for the sciences of man. В кн. Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы.- Москва: «Старый Сад», 1999.- с.122-152.
80. Lorenz K. Evolutin and Modification of Behaviour, Chicag, 1965.-128p.
81. Parker G.A. Evolutionarity stable strategies. In: Behavioral Ecology: An Avolutinary Approach (eds. J.R.Krebs and N.B.Davies), 2nd edition, Oxford: blackwell Scientific Publications, 1984.- p. 62-84.